

ИЗМЕНА

ПРАВО НА ОБМАН

Арина Арская

Арина Арская

Измена. Право на обман

<https://litres.ru/74294192>

Аннотация

— Машке муж изменяет, — погружаю нож в пышный пирог с говядиной и карамелизированным луком, пристально глядя на супруга. — Какой Машке? — едва заметно напрягается. — А у них ребенок, — вытягиваю нож и делаю новый надрез в тесте с ароматной начинкой. — Милый... — Да, Евушка? — Нас же это не коснется? — ласково улыбаюсь. — Это ведь, наверное, так больно, когда близкий человек тебя предает. — Нет, не коснется, — слабо улыбается. — У нас все иначе.

Содержание

Глава 1. Котик и зайчик	4
Глава 2. Вместе грустить хорошо	12
Глава 3. Ну что ты как маленькая?!	19
Глава 4. У нас все иначе	24
Глава 5. Поиграем?	30
Глава 6. Мне пора, милый	35
Глава 7. Ты начинаешь утомлять котика, зайчик	40
Глава 8. Что вас ждет?	46
Глава 9. Решительность обманутой жены	53
Глава 10. Да, дорогой, я тебя слушаю	56
Глава 11. Какая я неловкая...	60
Глава 12. Ева, я хочу...	64
Глава 13. Большая и маленькая любовь	69
Глава 14. С кем ты разговариваешь?	73
Глава 15. Я прыгну!	77
Глава 16. Супер-мама	81
Глава 17. Хочу какао	84
Глава 18. Какое позорище!	88
Глава 19. У девочки стресс!	91
Глава 20. Папа, я рядом	94
Глава 21. Только не это...	98
Глава 22. Ты не особенный, Саша	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Глава 1. Котик и зайчик

— Котик? — раздаётся в соседней кабинке ласковый девичий голосок. — Я не могу бюстгальтер выбрать. Помоги...

Закатываю глаза. Котика решили дистанционно подразнить. Я даже завидую. Мне вот смелости не хватит позвонить сейчас мужу с кокетливой просьбой дать совет в выборе нижнего белья. Лучше его не тревожить. Он меня предупредил, что у него после обеда важная встреча с потенциальными инвесторами.

— Котик, — капризно тянет девица, — ну, не ругайся. Я, правда, не могу выбрать. Как все брать? А вдруг тебе ничего не понравится?

Какой щедрый котик и какая очаровательно хитрая киса.

— Ты должен посмотреть...

Расстегиваю бюстгальтер из тонкого белого хлопка с аккуратной кружевной окантовкой. Подслушивать чужие разговоры нехорошо. У меня с выбором нет проблем, поэтому быстренько одеваюсь и линяю, а то “котик, помоги” перейдет в “котик, хочу тебя”. Точно говорю. Я уловила в голосе девицы провокационные нотки, которые обещают жаркую беседу.

— Ты меня видишь? — хихикает девица. — Как тебе твой зайчик?

— Вижу, Ань...

Замираю с расстегнутой блузкой с принтом милого и нежного василька. Глаза у отражения округляются и челюсть медленно ползет вниз. Я ослышалась?

— Вот этот красненький как сидит? — игриво спрашивает девица в соседней кабинке. — Погоди. Я сейчас телефон поставлю. Ну, как?

— Неплохо...

Узнаю в хриплом низком голосе своего мужа Александра. Щеки отражения бледнеют, зрачки расширяются. Нет, этого не может быть. Я ошиблась. Связь искажает голоса... Выхватываю телефон из сумки и звоню Саше. Гудок идет, а из-за соседней кабинки доносится приглушенная трель звонка.

— Котик!

— Погоди минуту...

— В смысле погоди?! Эй! Не ставь меня на паузу!

Гудок обрывается раздраженным голосом Саши:

— Да, Ева?

Сбрасываю звонок, прикрываю рот рукой, чтобы не завизжать от ужаса. Сердце бьется отбойным молотком о ребра, и я оседаю на пуфик, обитый черным бархатом.

— Котик! — капризно рявкает девица по ту сторону перегородки.

— Красный бери, — в легком гневе отвечает Саша.

— Да отвлекись ты от телефона! Кому ты там пишешь?

У меня на экране высвечивается сообщение:

Любимый: “Что-то случилось? Ты звонила?”

— Язычок прикуси, — сердито отвечает Саша, когда я ему отправляю “случайно позвонила”. — Повернись.

— Опять жена?

— Не отвлекайся, — строго чеканит Саша, и я аж сама вздрагиваю от его сурового приказа.

— Какой ты бука, — канючит Аня. — Вот бы с женой...

— Все, вечером покажешь свои тряпки.

— Эй! Вот же...

Видимо, Саша сбросил звонок, не желая слушать претензии “зайчика”. Застегиваю дрожащими пальцами блузу и раздумываю над тем, а стоит ли сейчас ворваться к Ане в кабинку и потребовать объяснений? Может, это просто случайные и нелепые совпадения? Мозги в голове дрожат железной массой, и я никак не могу сосредоточиться и понять, что делать дальше.

— Вот козел, — шипит Аня в соседней кабинке и обиженно бурчит, — а вот и возьму все. Твоя жена, поди, в труханах растянутых ходит да в стремных лифчиках, которые бабки только носят. И сиськи у нее поди тоже висят до пупа.

Я машинально хватаюсь за грудь. Ничего она не висит. Вот грымза малолетняя. Выдыхаю. Эмоции сейчас лишние. Я очень хочу ринуться в драку с визгами и криками, а после прошму со сладким голоском за волосы притащить к Саше...

Слышу, как клацает металлические кольца полога о пере-

кладину кабинки, и выглядываю в щель. Анюта горделиво шагает мимо с охапкой кружев и шелка. Высокая фигуристая брюнетка с точеным носиком и гривой до круглой попы, обтянутой узкими белыми брючками. За ней плывет шлейф тонкого и сладкого парфюма.

Прячусь и прижимаю пальцы к губам. Я совершенно не готова к тому, что у моего мужа может быть любовница. Нет. Он бы так не поступил со мной. Это не в его характере. Я себя накручиваю и подтасовываю случайности, чтобы они сложились в жестокую картину предательства, потому что, как сказал мой психолог, у меня повышенная тревожность. И мне лишь нужен повод, чтобы разрешить себе паниковать.

— Извините, — шепчет консультант за пологом. — Вы в порядке?

— Не знаю... — сдавленно и сипло отвечаю я.

— Размер подошел?

Кровь стучит в висках, сердце готово в любой момент лопнуть, и я едва слышно отвечаю:

— Размер подошел, но модель...

— Модель базовая, как вы и просили. Есть еще в нескольких приглушенных и пастельных оттенках, — говорит консультант. — Принести?

— Нет, — касаюсь затылком перегородки и закрываю глаза. — Я хочу другие модели...

— Есть и другие базовые...

— Нет, — в тихом отчаянии усмехаюсь. — Хочу... что-

нибудь непростительно откровенное. Чудовищно провокационное...

Консультант за ширмой замолкает и внимает моему дрожащему шепоту.

— Мне нужны такие модели, которые не наденет приличная замужняя женщина, но позволит обманутая... Вы меня понимаете?

Вот дернул меня черт зайти именно в этот бутик за новым бюстгальтером. Я ведь даже не планировала сегодня тратить на белье. У меня был план лишь забежать к своим девочкам и узнать, как идут скидки на летнюю коллекцию. Скидки идут отлично. Неходовые размеры уже почти все распроданы, полки и стойки освобождаются под новый осенний ассортимент.

— Понимаю, — печально отзывается консультант, — обман подразумевает подвязки и чулки?

— Думаю, да, — смахиваю одинокую слезу со щеки. — Возможно, чулки и придумали обманутые женщины.

Когда консультант удаляется, я вновь набираю Сашу, который отвечает не сразу и довольно раздраженно:

— Да?

— В этот раз я неслучайно тебя вызвала, — с наигранной легкостью говорю я.

— Что-то срочное?

— Я сегодня Дениску бабушке закину, — зажмуриваюсь, но голос стараюсь держать непринужденным, — и предлагаю

устроить randevу?

— Ева...

— Романтический ужин? — бессовестно перебиваю мужа. — Только ты и я? Свечи, расслабляющий массаж...

Мне самой от себя тошно, но я должна пойти до конца.

— Ева, боюсь, что я задержусь, — отстраненно отвечает Саша. — Встречу перенесли.

— На какое время? — я не отступаю.

— После шести. Ты же знаешь с какими людьми мне приходится работать, — Саша вздыхает. — Милая, у нас обязательно будет романтический ужин при свечах, но мне надо сделку закрыть.

— Что, неужели в девять часов не освободишься? — сжимаю ладонь в кулак, и ногти впиваются в кожу.

— Не уверен.

— Я буду ждать тебя в девять часов вечера, — бесшумно выдыхаю через нос, — на ужин. Возможно, тебе стоит быть тверже с людьми, с которыми ты сотрудничаешь?

— Ева, это тебе не... — несдержанно шипит Саша, — это вопрос больших денег. Евушка, я человек бизнеса...

Я прекрасно знаю, как Саша не терпит, когда переносятся встречи, и старается рубить деловые связи, в которых “партнеры” не уважают чужое время, а тут... Видимо “котика” очень взволновало красное кружево на “зайчике”.

— А еще ты муж и отец.

Из груди рвется истерика со слезами и обвинениями. При-

кусываю кончик языка и поджигаю пальцы в туфлях.

— Не начинай, Ева, — голос Саши вибрирует хрипотцой гнева. — Я закрою сделку, а потом я весь ваш с Дениской. Давай так, — он недовольно прищелкивает языком, — посмотри путевки...

Решил откупиться? Как ловко. Вспомнил о моей полугодичной просьбе скататься на море и насладиться солнышком на теплом песке?

— В девять часов, — упрямо повторяю я и позволяю себе немного повисить голос. — К черту твои сделки, если они мешают быть тебе с любимой женщиной.

А вот маленькая провокация. Он же мне только с утра после чашки кофе и нежного поцелуя в висок сказал “люблю тебя”. В кабинку заглядывает консультант и вешает на крючки вешалки с подвязками, какими-то сеточками, лентами, прозрачными кружевами и бесшумно исчезает.

— Я постараюсь быть, — сердито отвечает Саша, недовольный моей дерзостью.

— Не постарайся, а будь.

Сбрасывает звонок. Очень он не любит, когда я зубки показываю.

— Есть бралетт из кожи. Нести? — раздается обеспокоенный голос консультанта. — К нему и трусики танго есть.

— Тоже из кожи? — удивленно спрашиваю.

— Да. Я думаю, что это очень провокационно... и дерзко.

— Дерзко? — сжимаю телефон до едва уловимого скрипа.

— Да, — безапелляционно отвечает консультант. — Там еще цепочки... Очень дерзко, до мурашек. Короче, я несу.

— Если до мурашек, — расстегиваю блузу, глядя в бледное и тоскливое отражение, — то несите.

Глава 2. Вместе грустить хорошо

— Мам, — тихий голос Дениски с заднего сидения меня отвлекает от невеселых мыслей.

— Да, милый? — встряхиваю волосами и улыбаюсь, ласково глянув в зеркало заднего вида.

Жует губы, не решаясь мне что-то сказать и вертит в руках машинку. У меня сердце в пятки. Сейчас скажет, что видел папу, который целовал и обнимал чужую тетю. Ну, мало ли! Вспотевшими ладонями крепко сжимаю руль.

— Денис, — говорю спокойно, — маме ты можешь рассказать любой секретик.

— Меня Даша поцеловала, — шепчет он и опускает лицо, пряча смущенную улыбку.

Секундная оторопь. У моего сына на пороге шести лет случился первый поцелуй? А не рановато ли? Начинаю паниковать.

— А куда?

— В щечку, — краснеет и катает машинку по колену.

Так, а что дальше говорить? У моего сына тут сердечные переживания, а я никак не могу собраться с мыслями.

— Ты был рад этому поцелую?

Стоит выяснить по согласию ли моего сына поцеловали в щеку. Даша — девочка бойкая, резвая и могла сынулю моего зажать в углу и против воли наградить чмоком. Если так, то

надо ему сказать, что поцелуи не стоит принимать, если не нравится.

— Да, — бубнит под нос, — он был по любви, а не просто так.

— Да? — удивленно тяну я.

— Просто так у Дашки было с Егором...

Вот это новость. У дошколят страсти кипят похлеще чем у взрослых.

— С тем Егором, в которого ты песком кидал?

— Да, — надувает щечки. — По делу же.

И не поспоришь. Мой сын, похоже, отбил очаровательную девочку песочными снарядами у соперника, и только сегодня объяснил свой поступок, а так ведь молчал, как маленький сердитый партизан.

— И мы хотим с Дашкой пожениться.

Я ждала этого разговора намного позже. Хотя бы к годам восемнадцати..

— Это серьезный шаг, Денис, — аккуратно подбираю слова, чтобы сын не обиделся и не закрылся, — а мама с папой Даши в курсе, что вы хотите пожениться?

— Она сегодня им скажет, — шмыгает и трет нос.

— Это правильно, такие вопросы надо обсуждать с родителями, — медленно киваю я. — А вы уже решили с кем будете жить, когда поженитесь?

— У нас, — уверенно и твердо говорит Денис. — Я не буду жить с чужими мамой и папой.

— Мы бы с папой тоже не хотели, чтобы ты жил с чужими мамой и папой, — притормаживаю у светофора и провожаю взглядов пешеходов. — А Даше будет с нами хорошо? Мы ведь для нее тоже чужие мама и папа. Скучать не будет?

Денис серьезно задумывается над моими словами и хмурит бровки. Видимо, этот вопрос будущие молодожены не обсуждали.

— А вы ее будете любить?

— Будем, конечно, — оборачиваюсь и улыбаюсь. — Но тут важно, будет ли Даше с нами хорошо и уютно. Она ведь любит своих маму и папу, как и ты нас. И ты, как мужчина, берешь ответственность за Дашу. Ты же будешь ей мужем.

Чешет висок и переводит взгляд на окно. Очаровательный маленький мужчина, который пал жертвой маленькой престлестницы.

— Я у Даши спрошу, — решительно кивает Дениска, — но жить с ее мамой и папой я не буду.

А вот первая сложность на пути к семейному счастью. И боюсь, что Дашенька разобьет сердечко Денису, учитывая, что она и Егора целовала. Песком сынуля кидался три дня назад, и по моим подозрениям тогда Даша и подарила чмок его сопернику.

— А Егора на свадьбу не позовем, — зло бурчит Денис. — Он больше не мой друг.

Нервно стучу пальцами по баранке. Не только у меня сердце ранено. И как быть? Как объяснить Денису, что жизнь

полна разочарований, когда я сама с трудом сдерживаю слезы.

— Только ты решаешь с кем дружить, — тихо отвечаю я.

— Песком, конечно, нехорошо кидаться...

— По делу же, — зло бубнит Денис.

Я и сама хочу швыряться песком, поэтому у меня нет серьезных аргументов против “по делу же”.

— Но я больше не буду кидаться в него песком, — Денис приглаживает волосы неуклюжей ручкой.

— Так? — я слышу в голосе сына зловещие нотки.

— Он лопнет от зависти, когда мы с Дашкой поженимся. И будет много плакать.

Пока я удивленно хлопаю глазами, Денис шепотом добавляет:

— Можно я скажу плохое слово? Очень надо, — стискивает в руках машинку и весь трясется от ярости.

— Можно, — я сглатываю.

— Егор... — Денис набирает полной грудью воздух и рычит сквозь зубы, — жопа с ушами!

Я аж вздрагиваю от его гневного голоска. Он с облегчением выдыхает и крутит колесики машинки, надув губы. С его обидой и ревностью и мне как-то стало свободнее дышать.

Паркуюсь у небольшого зеленого сквера:

— Давай прогуляемся? Мороженое поедим.

Только сладкое может ненадолго отвлечь от душевных терзаний и тревоги о будущем. Через пять минут мы уже си-

дим на лавочке под раскидистым тополем. По нашим лицам ползут солнечные пятнышки.

— Мам, тебе грустно, потому что я решил жениться? — Денис поднимает взгляд. — Если ты не хочешь, не буду...

Что нас ждет с Сашей. Развод? И он, вероятно, ударит в первую очередь по Денису. Вот есть мама и папа, а затем... О, Господи... Мышцы и кости пронизывает холодный озноб ужаса.

— Мам...

— Милый мой, — я с трудом поднимаю Дениску, усаживаю его на колени и обнимаю. — Я буду рада, если ты решишь связать судьбу с любимым человеком. Конечно, обычно это случается попозже.

— Тогда почему ты грустная?

Проклятье. Мой сын уже впитывает мое отчаяние.

— Помнишь, мы с тобой говорили, что иногда можно погрустить?

— Помню, — кивает и прижимается ко мне с объятиями, — тогда погрусти.

Целую его в макушку, и наблюдаю за воробьями в нескольких шагах. Вот-вот разрыдаюсь, но нельзя, как бы мне ни было больно за себя и Дениса, ведь его отец тоже предал. Возможно, в самое ближайшее будущее мой ненаглядный супруг придет и скажет, что требует развода, ведь встретил новую женщину.

— Вместе грустить хорошо, — шепчет Денис и поглажи-

вает меня по руке. — Папа тоже иногда грустит, но один. Почему?

— Бывает, что хочется погрустить в одиночестве.

— Жизнь — это так сложно...

— Ты же мой маленький философ, — смеюсь и зарываюсь носом в мягкие волосы. — К бабушке с дедушкой в гости не хочешь?

— А ба приготовит мне блинчики?

— Она же их всегда готовит и только для тебя.

— Тогда хочу, — улыбается, но через секунду хмурится, — но папе тоже надо рассказать про Дашу.

— Согласна.

— А ты расскажешь?

— Конечно, — слабо улыбаюсь. — Или же завтра с утра он заберет тебя от бабушки и дедушки и ты ему сам все расскажешь.

— Да, я сам должен, — чешет щеку и серьезно сводит бровки вместе, — я пока подумаю, как папе про Дашу сказать.

— Подготовишь речь?

— Да.

— И в любой речи важно быть честным, да? — поглаживаю его по бархатной щеке.

Кивает и вновь меня обнимает с взволнованным шепотом:

— Тогда я не знаю, хочу ли я точно жениться, — замирает и бубнит в ключицу. — Честным быть трудно. Мам, но

я же обещал... Даша будет плакать...

— Ты поговори с ней, Дениска. В любви важны не только поцелуи, но и слова.

— Как у вас с папой?

Мое лицо косит от гримасы отчаяния. Да, мы ведем множество разговоров с ним, но все не о том. Как я могу учить сына быть честным, когда сама угодила в ловушку лжи?

— Я думаю, Даша тебя поймет, если ты раскроешь перед ней сердце, — заглядываю в карие глазки, которые достались Денису от его лживого отца, — да, возможно, будет плакать, но...

— Я поплачу с ней рядом, — Денис обхватывает мое лицо теплыми ладошками, — мне тоже будет грустно и стыдно.

Глава 3. Ну что ты как маленькая?!

— Денис Александрович, — пап подхватывает Дениску на руки и удивленно охает, — кажется, вы подросли за эту неделю.

Дениска шепчет папе что-то на ухо, прикрыв рот ладошкой.

— Так, — папа кивает с важным видом и шагает по коридору к детской, — понял. Нас ждет серьезный мужской разговор.

— Насколько он у нас? — мама улыбается, провожая взглядом папу и Дениску.

— На денек... До завтра.

— Мало, — мама обиженно хмурится, — завтра не отдам и не просите.

— Мам...

— Пошли пить чай, — тянет за руку. — Пока мужики ведут серьезные мужские разговоры, мы с тобой, — оглядывается и подмигивает, — тортиком побалуемся.

И вот сию же минуту я через пять минут с чашкой чая и куском наполеона на блюдечке с красной каймой по краю. Я это блюдо любила в детстве. С того времени появился крошечный скот, но старая тарелочка из прошлого мне еще мила.

— Ты что-то бледная, — мама окидывает меня цепким взглядом и облизывает ложку. Затем замирает и шепчет. —

И тортик не кушаешь... Ева, неужели... ты в положении?

— Нет, — устало вздыхаю.

— Не здоровится? — с небольшим разочарованием отзывается мама.

Встаю, выглядываю в пустой коридор и прислушиваюсь к хохоту Дениски и папы. Закрываю дверь и возвращаюсь за стол.

— Мам...

— Ты меня пугаешь, Ева.

— Я думаю, что Саша мне изменяет, — глухо отвечаю я и перевожу взгляд на окно, за которым пролетает стайка птичек.

— Уверена или только думаешь? — шепчет мама.

— На руках доказательств нет.

— Ева, — мама касается моей руки, — ты всегда...

— Надумываю лишнего? — перевожу усталый взгляд на нее. — Есть мизерный шанс, что я ошибаюсь, но вряд ли.

— У вас же Дениска... — сипло выдыхает мама. — Ева... Может, ты ошибаешься? Нет, точно ошибаешься... Саша же...

— Приличный мужчина? — заканчиваю я за нее обрывистое предложение.

— Да.

И по глазам вижу, что мама допускает факт измены, но не знает, что мне сказать. У нас же Дениска, а Саша не только приличный мужчина, но и отец хороший, что ему не поме-

шало сегодня смотреть на чужую грудь в красных кружевах. Или все же это был не он?

— Ты только не психуй, доча, — мама поддается в мою сторону и едва слышно меня спрашивает, — а как у вас с интимом?

— Ты уже ищешь оправдание для Саши? — я изгибаю бровь.

— Мужикам сложно без этого самого... — густо краснеет и отводит взгляд. — Вот я и спрашиваю. Супружеский долг очень важен.

У меня верхняя губа дергается от “долга”. Близость не может быть долгом или обязанностью. Допустим, та страсть, которая могла нас застать с мужем в темной подворотне на прогулке после чашечки кофе, видоизменилась. Она стала тише... вот черт...

— Что ты так вздыхаешь? — мама хмурится.

И ведь были у меня мысли по ночам после того, как Дениска уложен с колыбельными и сказками, что надо и Сашу приласкать. Надо. Я не то чтобы заставляла себя прикоснуться к мужу, но все-таки переступала через желание упасть на подушку и заснуть. А супруг мой отвечал мне тоже не дикой страстью, а какой-то милостью, что ли. С губ срывается истеричный смешок. Отдавал супружеский долг настойчивой жене, не иначе.

— Ева, — заговорщически шепчет мама, — я на работе подслушала разговор наших девочек.

— Я не совсем понимаю...

— Да погоди ты перебивать мать! — возмущенно фыркает и опять понижает голос, — они чего-то хихикали на кухне, и я прислушалась... вот. Они, значит, обсуждали особую технику...

Мама замолкает, и у нее даже уши красные от смущения.

— Прости? — отправляю в рот кусочек торта.

— Одна ходит на какие-то курсы... кхм... — опускает многозначительный взгляд. — И там учат... чтобы там внизу... Ева, — сердито смотрит в глаза, — ты же все поняла.

— Ясно, — откладываю вилку. — Ты мне предлагаешь сходить на особые курсы?

— Мужики на стороне ищут новых ощущений, — мама неловко улыбается, — вот и организуй ему новые ощущения. Ну что ты как маленькая!

— Кто маленькая?! — на кухню врывается взъерошенный Дениска с плюшевым динозавром, которым потрясает перед собой. — Arrrr!

— Мама твоя, — вздыхает со вселенской печалью моя мама.

— Она большая, — не соглашается Дениска, — и умная. Самая умная мама на свете.

— Если ты так говоришь, то так и есть, — мама вздыхает и выразительно глядит на меня.

Дениска тянется рукой к моему блюдцу с кусочком наполеона, и на кухню шагает папа:

— Денис Александрович...

Дениска оглядывается, и папа грозит пальцем:

— Ужин, а потом сладкое.

— Но мама и бабушка...

— А мы уже поужинали, — с ласковой улыбкой лжет мама внуку, — вот и балуемся сладким.

Папа усаживает Дениску за стол, накладывает ему запеченных овощей, куриную ножку, приготовленную на пару, и наливает компота в желтую пластиковую кружку. Учусына быть честным, а его обманывают в мелочах, и я потакаю маме, ведь она не желает единственному и любимому внуку зла.

— А блинчики будут? — Дениска накалывает на вилку брокколи.

— Конечно, мой золотой, — мама подрывается с места, — со сметанкой или вареньем?

— И с тем, и с другим. Что за вопросы? — смеется папа и обнимает меня со спины, — а ты на блинчики останешься?

Ох, как бы я хотела остаться и спрятаться под его крылом, но у меня другие планы на вечер, который обещает быть очень непростым. И как же я его боюсь. До дрожи в коленях и вспотевших ладоней.

Глава 4. У нас все иначе

На часах девять часов, на столе — тарелки, бокалы и свечи, а на мне под платьем — белье из тонких ленточек, черные строгие подвязки и чулки. В духовке томится пирог, а в холодильнике ждет своего часа овощной салат с бальзамическим кремом и сельдереем, который Саша на дух не переносит. А я вот люблю этот резкий, пряный и сладковато-горький вкус.

Я всегда тайком жевала листья и стебли сельдерея при готовке, а после чистила зубы, ведь Саша фыркал даже на запах. Какой капризный у меня муж. Я же его люблю, поэтому сельдерей в блюдах под запретом, но не сегодня. Сегодня я разрешаю себе немного взбунтовать.

— Ева, — раздается голос Саши. — Я дома.

На часах: девять часов вечера и пять минут. Заглядывает в столовую, и я сдержанно улыбаюсь:

— Ты опоздал.

— Пробки, — окидывает беглым взором стол, а затем меня и говорит, — я душ приму...

— Погоди, — встаю и неторопливо цокаю на шпильках к мужу.

Галстук висит свободной петлей, три пуговицы под воротом небрежно расстегнуты, а рубашка заправлена в брюки будто в спешке.

— Я через пять минут спущусь, — Сашу хмурится.

— Я соскучилась...

Обнимаю, слабо тяну носом воздух у его шеи. Сквозь терпкий древесный парфюм улавливаю тонкие и почти незаметные нотки сладкого цветочного аромата. В другой раз я бы не выхватила это нежное амбре, которое забивает сандал и смола.

— Одна нога здесь, — Саша отстраняется и шагает через гостиную прочь, — другая там, — оборачивается через плечо и улыбается, — хорошо выглядишь. Только бледная чуток.

Молча провожаю Сашу внимательным взором, а когда он скрывается в проеме, что ведет к лестнице, я закусываю губы. Я не надумываю и не ошибаюсь, мама. У моего мужа есть другая женщина, которая называет его пошлым и вульгарным прозвищем “котик”, но у меня нет доказательств, что приперли бы к стенке Сашу.

— А вот и я, — Саша возвращается в столовую через минут десять.

Приглаживает влажные волосы, затягивает галстук под свежей рубашкой и усаживается за стол с улыбкой:

— Я немного обескуражен. Какой повод?

— Разве для ужина с любимым мужем нужен повод? — отвечаю вопросом на вопрос и дефилирую на кухню.

Едва сдерживаюсь, чтобы не закатить скандал и потребовать объяснений от Саши, почему он опоздал на пять минут

и подвести криками к истерике, что я знаю о его любовнице. Я в курсе, что не было у него никакой встречи с инвесторами или партнерами, но разве можно поверить в то, что я случайно столкнулась с его шлюхой в бутике нижнего белья и подслушала их разговор?

Возвращаюсь с пирогом и лживой улыбкой радости к мужу, который торопливо прячет телефон в карман брюк.

— Кто тебя беспокоит? Инвесторы? — ставлю противень с румяным пирогом на доску из белого клена. — Подчиненные?

— Спам, — Саша пожимает плечами. — Очередная рассылка.

И имя этой рассылке Анята? Лицом бы Сашу в пирог несколько раз.

— Встреча с инвесторами прошла успешно? — подхватываю со стола нож и крепко его сжимаю.

Если я сяду в тюрьму за убийство неверного мужа, то очень подпортит будущее Дениске. Да и не имею я лишать его отца жизни без конкретных доказательств измены. Я не хочу выглядеть истеричкой, а еще мама настаивает, чтобы я была умной девочкой, которая оставит Аняту ни с чем. Так что, я еще не совсем понимаю, какую стратегию мне выбрать, чтобы остаться в выигрыше и с непосрамленным достоинством.

— А у тебя как день прошел? Как твой бутик?

— Акция со скидками идет отлично, — убираю локон за

ухо. — Вот на днях новую коллекцию будем развешивать и оформлять зал.

— Ты у меня большая умница.

И эта большая умница желает отрезать твое хозяйство и скормить его тебе, но вместо этого она опять улыбается.

— Как Дениска? У бабушки?

Не буду рассказывать, что его сын вздумал жениться. Мы же договорились, что Денис сам папе всё поведает, когда примет окончательно решение о свадьбе.

— Завтра ты должен его забрать. Я к восьми утра поеду на склад.

— Хорошо.

Разговор как-то не клеится, а я продолжаю стискивать нож. Вдох и выдох и ласковая улыбка.

— Машке муж изменяет, — погружаю нож в пышный пирог с говядиной и карамелизированным луком, пристально глядя на супруга.

— Какой Машке? — едва заметно напрягается.

— А у них ребенок, — вытягиваю нож и делаю новый надрез в тесте с ароматной начинкой. — Милый...

— Да, Евушка?

— Нас же это не коснется? — ласково улыбаюсь. — Это ведь, наверное, так больно, когда близкий человек тебя предаст.

— Нет, не коснется, — слабо улыбается. — У нас все иначе.

— Это радует, что ты у меня, — кладу кусок пирога на тарелку, вглядываясь в лицо Саши, и повторяю слова мамы, — приличный мужчина.

Глаз не отводит. Смотрит прямо, но над бровью у виска пульсирует венка гнева. Ему не по душе мои разговоры.

— Салатик забыла, — откладывая нож и бегу на носочках из столовой, — твой любимый.

Через минуту ставлю чашку салата в центре стола. Саша принохивается и поднимает недоуменный взгляд:

— Там, что, сельдерей?

— Да, — невозмутимо накладываю салата в тарелку мужа. — Свежий, ароматный, у бабульки-дачницы купила.

— Но я не люблю сельдерей... — тихо и сердито отвечает Саша, опешив от моего милого голоса.

— Что-то ты в последнее время ко мне без причины придираешься, — выпускаю капризные нотки, и рука у меня правдоподобно дрожит.

Вот теперь я позволю себе немного эмоций, который бурлят во мне и выплескиваются. Да, не по тому поводу, но я дам себе чут-чуть свободы, иначе у меня сердце не выдержит.

— Что?! — брови Саши ползут в изумлении на лоб. — Нет, я... Ева...

— Я ведь стараюсь! — я даже всхлипываю. — Выкраиваю время для нас двоих!

Саша выхватывает тарелку из моих рук и ставит перед со-

бой, сжав кулаки.

— Тебе вечно все не нравится... — оседаю на стул, обиженно поджимаю губы и через минуту гнетущего молчания едва слышно, с дрожью в голосе, отзываюсь я. — И только не говори, что ты не голоден.

— Я не люблю сельдерей...

— С каких это пор?! — охаю я.

Ты мне лишь однажды об этом сказал, мой милый. На заре наших отношений, и после я радовала тебя изысканными блюдами без сельдерей. Одно "фи" и я на лапки встала, высунув язычок, лишь бы тебе угодить.

— Но... разве... — начинает Саша, и я театрально отвожу взгляд.

Глаза щиплет от слез. Я тебе в любом случае закачу скандал, Александр Викторович. И я тебе больше скажу, мой ненаглядный, я швырну салат с сельдереем в твою лживую морду со слезами и криками, что ты меня не любишь.

Саша торопливо отправляет ложку салата в рот и медленно им похрустывает. Ах ты, подонок в белой рубашечке, которую я тебе и гладила, рыльце у тебя действительно в пушку.

— Вкусно? — затаив дыхание спрашиваю я, а сама под столом сжимаю кулаки.

Глава 5. Поиграем?

— Вкусно? — кокетливо поглаживаю пальцем линию челюсти.

Саша замирает, весь красный от злости и выплевывает салат на тарелку. Это было ожидаемо, однако я вскакиваю и сметаю со стола тарелки и бокалы. Грохот, звон и мой крик: — Ты невыносим! Я ведь старалась!

А после со слезами под недоуменным взглядом моего мужа, который прижимает салфетку к губам, расстегиваю боковую молнию и срываю платье. Остаюсь только в ленточках, подвязках и чулках. Глаза Саши округляются.

— Я устала! — швыряю платье в Сашу, и он в ошеломлении ловит снаряд, не спуская взгляда с моей голой груди, которую подчеркивают тонкие ленточки. — Все тебе не по нраву!

Торопливо цокаю мимо, возмущенно потрянув волосами.

— Ева...

— Знаешь что? — оглядываюсь. — У меня ведь тоже есть свое дело, и я нахожу время для тебя, для сына, для дома. Конечно, у твоей глупой жены не такие большие обороты...

Саша обескуражен и возбужден. Он, не мигая, смотрит на подвязки, скользит взглядом выше и медленно сглатывает.

— Ева, — встает, отбросив мое платье, — милая, но я правда не люблю сельдерей...

Смериваю его взглядом, полным слез обиды и гордо удаляюсь.

— Ева! — рывкает Саша и следует за мной.

Хватает меня за запястье, а я разворачиваюсь и леплю ему пощечину.

— Какого черта?! — срывается с его губ.

Пока он не понял, что произошло, бегу грациозной ланью прочь:

— Не трогай меня!

— Какая муха тебя укусила?! Ты у психолога была?!

— Хочешь сказать, что я неадекватная истеричка? — плавно крутанувшись вокруг своей оси, возмущенно охаю.
— Что я чокнутая?

Саша опять переключается на мою грудь, позабыв о пощечине. Поднимает взгляд и смотрит на меня так, будто первый раз видит:

— Ева, не кричи, — его голос понижается до бархатной хрипотцы. — Ты у меня такая умница... — делает шаг. — Иди ко мне. Ох, Ева...

У меня все спланировано. Я не ожидала, что Саша купится на ленточки и чулки, однако они сработали. Я хватаю стакан воды с комода и в ярости выплескиваю в обескураженное лицо супруга. Да, стакан я приготовила заранее. Саша отфыркивается, а я уже у лестницы.

— Ева!

— Наше randevu окончено!

Лечу по лестнице, бегу по коридору и ныряю в спальню. Захлопываю дверь, прокручиваю защелку и допиваю остатки воды, которой хватает на один жадный глоток. Как тебе, дорогой, такие новые ощущения? Не ожидал, что милая и улыбчивая женушка может закатить провокационную истерику? Что, красные кружева померкли в твоих глазах?

— Ева, открой дверь, — Саша дергает ручку.

Ты любишь капризных истеричек в красивом и откровенном белье, но ты останешься сегодня без десерта, потому что ты плохой муж.

— Я не хочу тебя видеть, — жалобно шепчу я, а сама злым взглядом сверлю кровать. — И я была сегодня у психолога, а он сказал, что я потерялась...

— В смысле потерялась? — рычит Саша.

— Вот видишь, — всхлипываю, — ты меня не понимаешь. Ты вечно в своих сделках, встречах...

— Я же ради вас с Денисом...

— Да, ты молодец, — мое лицо сминается в гримасу презрения. — Да, наверное, я не права... Ты же ради нас, а я тебе салатики готовлю... Из меня даже хозяйка отвратительная...

Ради нас с Денисом он со своей шваброй грудастой встречается. Вот как.

— Я плохая жена, — в лживом отчаянии поскуливаю я.

— Ева, я этого не говорил!

— Но подразумевал...

— Что?

Сколько в голосе Саши озадаченности и недоумения. Стоит за дверью мокрый и возбужденный.

— Тебе не нравится, как я готовлю...

— Да чтоб тебя, — шипит Саша. — Нравится!

— Но салат ты выплюнул...

— Я просто ненавижу сельдерей! — рев Саши сотрясает стены, а после следует удар кулаком по двери.

Я вскрикиваю. Достаточно правдоподобно для испуга слабой женщины.

— Прости, я...

— Я боюсь тебя, Саша. Уходи... И прости, что я... Я ведь только хотела тебя порадовать... Не получилось... — голос у меня тихий и блеклый. — Эксперименты — это не наше, да?

— Какие эксперименты? — едва слышно и заинтересованно отзывается Саша.

— В них уже нет смысла... — разглядываю доньшко стакана. — Зря я так готовилась...

— К чему? — голос Саши вибрирует нетерпением.

Да не готовилась я ни к каким экспериментам и тем более к тому, о чем однажды заикнулся Саша. Нетрадиционный вид близости меня совершенно не прельщает, а вот моего мужа эта тема очень будоражит. Запретный плод сладок, и периодически он проявлял интерес к моей попе, а я сейчас подло играю на его мужском желании и любопытстве.

— Ева, открой дверь, — голодно урчит Саша.

— Я тебя боюсь. Ты какой-то агрессивный сегодня. Я понимаю, встреча с инвесторами могла тебя вымотать, но это не повод срываться на мне...

— Согласен, совсем не повод, — шумно выдыхает. — Прости меня, Евушка... Девочка моя...

Как давно он не называл меня девочкой. У меня аж сердечко немного подтаивает, но затем я вспоминаю о красных кружевах и шепчу:

— Оставь меня.

— Ева, я виноват... Я не должен был опаздывать... и...

— Спокойной ночи, Саша, — шагаю к кровати. — Ты ведь устал.

Я жду следующей вспышки агрессии от супруга. Я его раздраконила, и он может сорваться и попытаться выбить дверь в желании добраться до сладенького, но этого, к моему сожалению, не происходит.

— Спокойной ночи, — цедит каждое слово, и его шаги затихают.

Всовываю наушники в уши, выключаю диктофон на смартфоне и прослушиваю запись с разъяренным криком Саши, ударом в дверь и моими громкими всхлипами. Обрезаю лишнее, чтобы разыгранный спектакль звучал пугающе, и поднимаю взгляд на запертую дверь. Игра началась, любимый, и пристегнись покрепче. А съел бы салат, то, возможно, я была бы к тебе более снисходительной, но нет, ты даже и не подумал постараться.

Глава 6. Мне пора, милый

Я хорошая жена. Я всегда готовлю завтраки для любимого мужа и стараюсь его удивить. Сегодня я тоже его удивлю. Плесну в тесто для ароматных и сладких сырников сок сельдерея. Немного, пару чайных ложечек. Достаточно для того, чтобы уловить вкус, но недостаточно для возмущений и претензий, что я слепила сырники из мерзкого и противного сельдерея.

— Доброе утро, — слышу мрачный голос Саши.

С улыбкой оглядываюсь:

— Доброе.

Сегодня я в юбке и легкой шифоновой блузке. Она белая и полупрозрачная. Из прошлогодней зимней коллекции, которая влет распродалась. Я решила взять себе эту симпатичную вещичку, но надела только сегодня. В общем, я не только воздушная, но и чуток провокационная, потому что бюстгальтер я не надела, якобы забыла.

Мне простительно. У меня вечером была ссора с мужем, который, к моему удивлению, прибрался в столовой после моей несдержанной сцены с разбитой посудой.

— Ты сегодня за Дениской, — ставлю перед Сашей, который молча усаживается за стол, тарелку с сырниками и чашку кофе. — Возможно, мама будет сопротивляться.

Придвигаю розетку с малиновым вареньем:

— Ты там посмотри по ситуации, — сажусь за стол и делаю глоток кофе, — если Дениска захочет остаться, то не дави на него, но было бы неплохо, чтобы вы с ним субботу вместе провели. Кстати, может, вы всей дружной компанией куда-нибудь и сходите?

Я знаю, что Саша некомфортно чувствует рядом с моими родителями. Они ловко маневрируют в разговорах и учат его жизни. Особенно мама, с которой я поделилась своими подозрениями. Она не будет раскрывать перед зятем все карты, но хорошенько промоет ему мозги. Она это умеет.

— Ева, ты же знаешь... — Саша отламывает кусочек сырника и отправляет его в рот.

Замирает, и его ноздри едва заметно подрагивают.

— Денису важно чувствовать единство всей нашей семьи, — я ласково улыбаюсь. — Саш, я не настаиваю, но думаю, что совместное времяпрепровождение Дениски с тобой, бабушкой и дедушкой будет ему приятно.

Выплюнет или нет? Какой напряженный момент! У меня аж сердце замедляет ход. Саша жует и глотает.

— А что в сырниках?

Подобными выходками можно довести человека если не до безумия, то до нервного тика. Во мне проснулась садистка.

— Классический рецепт, — хмурюсь, — творог, мука, яйцо... Ничего особенного.

— А вкус... — сдавленно отзывается Саша, и я его испу-

ганно перебиваю:

— Невкусно?

И сама пробую сырники. Сосредоточенно жую, ожидая ответа супруга. Да, вкус сельдерея ненавязчивый, но все же есть.

— Замечательные сырники, Евушка, — Саша решительно накалывает сырник на вилку и бесстрашно его кусает.

Сколько в нем смелости! Запивает кофе и вновь кусает сырник. Почти не жует, а крылья носа подрагивают в тихом отвращении.

— Я рада, что угодила тебе, — подпираю лицо ладошками. — Как говорится, путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

— Угу-м...

Сметает сырник, давится и когда вытирает рот салфеткой, я подкладываю ему в тарелку еще одну румяную шайбочку из воздушного творога.

— Они ведь тебе так понравились, — с ласковым восторгом улыбаюсь я, а лицо мужа идет красными пятнами гнева. — Кушай, милый.

И мой милый кушает сырники, обильно поливая их вареньем, чтобы перебить вкус сельдерея. Давно я его таким не видела. Неистовым, безжалостным и резким, а стоило только намекнуть о сомнительных экспериментах в спальне.

— Ой, мне пора, — вскакиваю, глянув на наручные часы. Оббегаю стол, мимоходом чмокаю напряженного Сашу в

макушку и стучу каблучками в столовую:

— Хорошего тебе дня, любимый...

Я уже готова свернуть к гаражу, когда на крыльцо выныривает Саша:

— Ева!

— Что? — оглядываюсь. — Я опаздываю.

— И ты в таком виде на склад собралась? — его глаза недобро вспыхивают.

— А что с ним не так? — включаю дурочку и удивленно хлопаю ресницами.

— Ты... — он опускает потемневший взгляд с лица на грудь. — Без... нижнего белья.

А то я не в курсе. Мои темные “вишенки” натягивают тонкую ткань блузки, зудят, и я хочу их почесать и потереть.

— Ой, — опускаю взор, а потом смотрю на Сашу, — но я опаздываю, — отступаю, — нет времени уже переодеваться.

— Ты никуда в таком виде не поедешь!

— Да ничего не видно! — охаю я.

— Очень даже видно! Все видно, Ева! — возмущенно спускается с лестницы. — Ты, что, решила посветить голой грудью перед грузчиками?!

— Не преувеличивай, — закатываю глаза.

— Я повторяю, ты никуда не поедешь в этой блузке, — смотрит на меня исподлобья, полный решимости запереть меня в подвале, если посмею послушаться.

— Да кому я нужна? — фыркаю и торопливо поднимаюсь

по лестнице и забегаю в дом. — У меня полно молодых девчонок, вот на них слюни и пускают.

Саша следует за мной мрачной тенью. Чувствую его взгляд, что скользит от затылка до моей пятой точки. Сопровождает меня до спальни и молча наблюдает в проеме двери, как я в спешке расстегиваю блузку.

— Я вчера был не прав, — Саша не мигает и подобен голодному крокодилу. Делает шаг. — Ева...

Хочет меня обнять, а я уворачиваюсь и натягиваю бюстгальтер:

— Я опаздываю, Саш.

— Да подождут тебя твои грузчики, — заключает в объятия и трепетно целует в шею, — Ева, всю ночь не спал...

— Если у тебя бессонница, — оборачиваюсь из его рук, срываю рубашку с плечиков и обеспокоенно продолжаю, — то тебе к врачу надо.

— Причина моей бессонницы — это ты...

— Мне пора, милый, — выдыхаю ему в губы, накинув на плечи рубашку. Всматриваюсь в расширенные зрачки, — Дениску чмокни за меня.

И я выбегаю из спальни, застегивая на ходу пуговицы. Не только ты, мой хороший, весь из себя человек бизнеса. И я возвращаю тебе твои же слова, которым ты меня так долго травил.

Глава 7. Ты начинаешь утомлять котика, зайчик

— Котя, — из динамика льется нежный голос Ани, — мы сегодня встретимся?

— Нет, — сверлю взглядом светофор.

Почему Ева завела разговор о какой-то Машке, которой изменяет муж? Она что-то подозревает? У нее сработала женская чуйка?

— Котик, — капризно тянет Аня. — Ты вчера от меня сбежал, а я ведь...

— Притормози, — нервно постукиваю пальцами по рулю.

— Не поняла.

— Я тебя просил не звонить на этот номер? — голову сдавливает обруч боли. — И не писать?

— Я соскучилась, — Аня всхлипывает. — Всю ночь о тебе думала.

— Не начинай, а, — сворачиваю во двор многоэтажного дома из желтого кирпича. — Анята, у меня семья. Ты не забыла о таком важном моменте?

— Это, кажется, ты забыл, что у тебя семья, Саша, — голос Ани становится холодным и стервозным. — Ты еще заведи шарманку, что внезапно воспылал любовью к жене.

— Язычок прикуси.

Я женился по любви и по большой страсти к красивой и уверенной женщине, которая очаровала меня одной улыбкой, но, как оказалось, эмоции и чувства имеют свойство затухать. И это касается не только Евы, к которой я чувствую уважение и привязанность, как к родному человеку, но и всей моей жизни. Рутинa начала засасывать, я захлебываюсь в однообразных днях и тихо презираю весь мир вокруг. Так было до вчерашнего вечера

— Саша, — Аня всхлипывает, а у меня в груди ничего не отзывается. — Я ведь тебя люблю.

У меня давно ничего в груди не отзывается. Жизнь, как выцветшая старая фотография, которая на уголках вспыхнула искрой после сельдерея в салате. Как же я его ненавижу. И как Ева могла забыть, что у меня к нему стойкое отвращение? Такое сильное, что это резкое послевкусие меня до сих пор преследует. Сначала сырники с вареньем, теперь в машине пахнет этой гадкой травой.

— Прости меня, — отзывается блеклым голосом Аня. — Я думала, что ты будешь рад меня услышать.

— Но я не рад, Аня. Совсем не рад. Я бы сказал, что я очень зол.

— Но ты ведь любишь плохих девочек, которые нарушают правила.

Что за Машка могла подтолкнуть Еву к мысли, что и я неверный муж? Начирикала на ушко и взбаламутила наше уютное болото, мерзавка, а моя жена повелась на “это ведь

предательство”. Я не предаю. Ко мне же нет претензий, когда я хочу пойти в ресторан и заказать что-нибудь из “высокой кухни”. Неудачное сравнение. В моей жизни Ева — “высокая кухня”, а Аня — “пельмени”.

— Ты не плохая девочка, а глупая и наглая дрянь, — раздраженно хмыкаю я. — И нет, я не люблю когда со мной начинают заигрывать.

— Ты, что, с женой поссорился? — недовольно спрашивает Аня.

— Не твое дело, Анечка, — спокойно отвечаю я.

— Ты мне таким не нравишься. Давай встретимся и я подниму тебе настроение.

Паркуюсь и откидываюсь назад с закрытыми глазами:

— Ты начинаешь меня утомлять.

Я сам себе не нравлюсь. Я лишь играю роль приличного семьянина, но не дотягиваю до этого уровня и меня это раздражает до скрежета зубов. Я обещал Еве быть ее идеальным мужчиной, а в итоге я изменщик, как обычный среднестатистический кобель, который может стать разочарованием для супруги и сына. Дениска очень привязан к маме: он впитает ее презрение ко мне и стану я для него мразью, а не примером для подражания.

— Я просто пытаюсь вытянуть тебя из хандры...

Ева отлично так встряхнула меня прошлым вечером. Меня сначала чуть не вывернуло прямо на стол, затем подражали ленточками, чулками, а после порадовали пощечиной

и окатили ледяной водой. Прямо в лицо выплеснула.

Еще и блузка эта. Забыла надеть белье? Ну, допустим, что ссора выбила Еву из колеи, однако все равно сомнительно, что моя жена, которая очень придирчива к одежде, могла забыть о такой важной детали, как бюстгальтер под прозрачной блузкой. Или же она действительно “потерялась”? И что это вообще значит “потерялась”? Мысли пролетают в голове одна за другой, и я не цепляюсь за них, пропускаю через себя и медленно дышу. И не так удивительна блузка, как ее намек об экспериментах.

— Котик...

— Ты еще тут?

— Да, сладкий, тут.

— Напомни, что я тебе говорил, когда все началось?

Молчание и недовольный вздох:

— От жены ты не уйдешь, на развод могу не рассчитывать, потому что... — замолкает, и я уточняю:

— Почему?

— Потому что я девочка для отдыха.

— Верно.

— Но ты же жену все равно не любишь.

Аня раздражает, как маленькая надоедливая собачка.

— Теперь ты любишь меня, — с томным придыханием шепчет Аня.

— Нет, — разминаю шею с хрустом позвонков. — И ты меня не любишь. Да случилась, небольшая химия, но... Мне

надо переключится на семью.

— До вчерашнего вечера ты был готов рисковать.

— Вчера был сельдерей, Анята.

— Какой сельдерей? — в недоумении охает Аня.

— Моя жена может меня отравить, — глухо посмеиваюсь,

— или зарезать.

— Она у тебя маньяка, что ли?

И тут я улыбаюсь. И это не та улыбка, которую я обычно натягиваю на лицо, чтобы казаться живым. Нет. Это одобрительная и похвальная улыбка. Моя психованная жена-маньячка в прозрачной блузке оставила утром меня ни с чем.

— А мне надо опасаться твоей жены, котик?

— Ты спрашиваешь, придет ли она тебе волосы рвать?

— Наверное...

— Нет, я не могу представить картину, где она тебя за волосы таскает, Анят. Так бы было куда проще.

— А я вот готова за тебя биться, — мурлыкает Анята. —

И готова ждать.

Я буду лжецом, если скажу, что не ловил дозу адреналина на встречах с Аней. Она отлично справляется с ролью восторженной девочки, которая в рот смотрит и глазками наивно хлопает, а Ева видит во мне прежде всего равноправного партнера по жизни. Меня это устраивало и устраивает, но потянуло к другому. В какой-то момент я захотел быть для женщины тем, кто определяет правила игры.

Ева отличная хозяйка, хорошая мать и тихая жена, однако

это не означает, что она подчиняется мне. Вовсе нет. Например, она согласилась осесть дома, но после двух лет Дениски открыла свое дело, а мне оставалось только недоумевать, какого черта? Как она смогла подвести меня к тому, что я помог ей открыть бизнес, да еще с мыслью, что это была моя идея?

— Котик... — курлыкает милой голубкой Аня. — Я знала, на что шла, когда влюбилась в женатого, но мне все равно очень сложно.

Сбрасываю звонок, блокирую номер Ани и выползаю из машины. День обещает быть трудным, потому что на восьмом этаже в трехкомнатной квартире с желтыми шторами меня ждет жуткая женщина, которая выпотрошит меня, сделает трепанацию и ласково промоет мозги. И эта женщина — мать Евы.

Глава 8. Что вас ждет?

— Ева, — моя помощница Катя, милая и скромная девушка, шуршит оберточной бумагой, — вот вас на днях забирал мужчина на машине... Это ваш муж?

На складе тесновато. Кругом разбросаны пустые коробки и у стен сложены стопки вещей в пакетах. Работы на целый день. Надо проверить товар на брак, часть отпарить, другую разложить по ящикам и стеллажам. Если будет брак, то оформить возврат... В общем, веселья по уши.

— А кто же еще? — недовольно отвечает Инга, заведующая складом, и подкручивает температуру на парогенераторе. — Не любовник же.

— Ясно... — Катя бросает скомканную оберточную бумагу в коробку с остальным мусором.

— А что? — отвлекаюсь от накладной.

— Импозантный мужчина, — Катя подозрительно улыбается, будто хочет что-то сказать, но не при любопытных свидетелях.

Господи, сейчас еще выяснится, что мой муж с моей подчиненной мутки мутит. Импозантный мужчина, етить колотить... Мне тут цифры надо сверять, а я опять скатываюсь в ярость и ревность.

— Вот и смысл такому изменять? — Инга фыркает и подбоченивается. — Он с Евы пылинки сдувает. Изменит, будет

дурой. Это же Джек-пот среди мужиков.

Я знаю, что со стороны мы с Сашей выглядим красивой и идеальной парой. Он на людях не сюсюкает со мной, не проявляет открытой и показной нежности, но у него получается создать ореол галантного и заботливого мужчины. Он умеет себя вести на публике и не использует со мной липких прозвищ, как например “зайчик”.

— Вот мне бы такого мужика, — мрачно отзывается Даша, вешая бархатный короткий пиджак благородного цвета бордо на плечики. — Вот бы мне кто помог дело открыть. Мой вон штаны протирает за своими танчиками, — хмурится и забирает у Инги парогенератор, — я уже думаю, бабу бы лучше на стороне нашел, а то сидит за компьютером, как сыч.

— Бабу? — удивленно переспрашиваю я. — Серьезно?

— А что? — Даша пожимает плечами. — Любовницы мужиков в тонусе держат.

Катя хмурится и несогласно поджимает губы.

— Они же вину чувствуют, когда налево бегают, — продолжает Даша и ведет плоской насадкой парогенератора по рукаву пиджака. — Вот перед женой стараются всячески заглаживать вину... — отходит, разглядывает пиджак. — Себе, что ли, такой взять?

— А если решит уйти к любовнице? — осторожно интересуюсь я.

— Да пусть катится, — Даша со смехом оглядывается. —

Уж лучше так, чем то, как он сейчас живет. Без слез не взглянешь и ведь никак его не растормошить.

— А дети?

— А он сейчас много детьми интересуется? — хмыкает Даша. — Я же говорю, как уткнется в свой монитор и все. Старшая недавно эксперимент провела, села рядом и давай ему рассказывать, что забеременела и надо бы ей на аборт. И что?

— Что? — я медленно моргаю.

— В ответ угу, ага, ладно, доча, ты большая молодец, — Даша закатывает глаза. — А потом я у него спрашиваю, о чем с Лёлькой поговорили? А он знаешь что?

— Что? — мне тошно от осознания того, что отцу может быть настолько все равно на родную дочь.

— А он отвечает, что Лёлька ему про школу рассказывала да про пятерки, — Даша кривится, а в глазах застыла черная обида на мужа.

— Так разведитесь, — с ужасом шепчет Катя.

— Жалко его, — Даша возвращается к пиджаку. — Со всем пропадет мужик. Они же дурные.

— Что-то у меня желания выходить замуж резко поубавилось, — Катя медленно моргает и ежится.

— А они же не сразу такие, — Даша проходит парогенератором по полам пиджака. — мой был очень амбициозным молодым человеком. Такие планы строил... Эх, какой пиджачок.

Меня накрывает желание разрыдаться от обиды и сожаления, поэтому я торопливо выхожу в коридор и приваливаюсь к стене. Делаю медленный вдох и выдох. Затем петляю среди лабиринта складских помещений и ныряю в уборную. Это несправедливо, что я не могу позволить себе расслабиться и поплакать.

— Ева, — за мной в уборную заходит Катя и неловко улыбается. — Мне надо тебе кое-что сказать.

— Говори, — подставляю дрожащие руки под холодный напор воды.

— Я долго думала, стоит ли тебе говорить об этом, но... — она хмурится и опускает взгляд, — но решила, что если не скажу, то не смогу больше с тобой работать. Возможно, я лезу не в свое дело и... мне бы лучше смолчать...

— Говори, — сжимаю кулаки под холодным напором воды.

— Я кажется, видела твоего мужа с другой, — она поднимает испуганный взгляд, — но не уверена... Это было пару недель назад...

— Так, — выключаю воду и вырываю несколько салфеток из жестяного ящика на стене, — где?

— Может я ошиблась...

— Вдох-выдох, Катя, и говори, — вытираю руки, спокойно взирая на Катю через отражение в зеркале.

— Ой как мне не нравится это взгляд, — жалобно попискивает она.

— Где?

— В отеле, — она обнимает себя за плечи. — У меня свиданка с иностранцем была... Так, ничего серьезного...

— Не отвлекайся, — мну салфетку в пальцах.

— Мы заходили, а муж твой, если это, конечно, был он, с какой-то девкой выходил...

— Так, — кидаю салфетку в урну под раковиной. — В каком отеле это было?

— Миркос, на Моховой, — Катя опускает взгляд и вздыхает.

— Как свиданка прошла-то? — поправляю ворот на рубашке, подавив в себе желание сорваться на дикий и отчаянный крик.

— Что? — Катя поднимает удивленный взгляд.

— Свиданка как прошла? — я ласково улыбаюсь. — Мужик при деньгах. Отель дорогой.

— Чую, что твой муж в полной жопе, Ева...

— Почему ты так считаешь? — я вскидываю бровь.

— Потому что я знаю этот взгляд и он не обещает ничего хорошего.

И я смеюсь, потому что Катя смотрит на меня со смесью страха и восхищения.

— Вот ты бы на свиданке, как я не опростоволосилась, как я, — Катя неожиданно шмыгает.

— Что у тебя случилось?

— Он оказался извращенцем, — Катя понижает голос и ее

щеки заливает румянец стыда. — Мазохистом. С виду приличный мужик, а любит, когда его привязывают и бьют.

— Так, — с коротким смешком отвечаю я.

— Я его к кровати привязала...

— Ага?

— И сбежала, — прячет лицо в руках.

— А что не так-то? — я едва сдерживаю смех. — Я думаю, что ты поступила верно.

— Только я перед этим расплакалась, — бубнит Катя в ладони. — Понимаешь? Я не ушла, как королева, а разрыдалась перед голым привязанным мужиком и с визгами убежала.

Подхожу к Кате, обнимаю ее и шепчу:

— А почему расплакалась?

— Не знаю, — жалобно всхлипывает в шею. — Мне с мужиками прям не везет, а теперь я еще думаю, что он женатик был.

В кармане коротко вибрирует телефон. Катя отстраняется и смахивает слезы:

— Прости.

Лезу в карман, и минуту пялюсь на фотографию, которую прислала мне мама. На снимке Саша шагает по дорожке в парке среди аккуратно стриженных кустов, а на его плечах сидит Дениска и на что-то показывает рукой. Очень трогательная и солнечная фотография, но в сердце расцветает на умиление, а боль.

— И что вас ждет? — едва слышно спрашивает Катя. —
Развод?

Глава 9. Решительность обманутой жены

— До мурашек, — моргает Лидия Ивановна после того, как я выключаю запись с криком Саши и моими всхлипами.

Я заглянула к юристу по бракоразводным делам и семейному праву. Любопытной Кате, которая поинтересовалась вопросом, ожидает ли нас с Сашей развод, я ответила, что пусть идет работать.

— Но вы не похожи на ту, которую избивает муж, — Лидия Ивановна щурится и опускает очки на кончик носа.

— Это дело поправимое, — прячу телефон в карман. — Я смогу сыграть забитую и запуганную мужем-тираном женщину.

— Допустим, — Лидия Ивановна откидывается на спинку кресла. — А какую цель преследуем?

— Я не уверена, что мой муж согласится на любовный развод, — слабо улыбаюсь. — Их же переклинивает в такие моменты...

— Да, большинство мужиков с катушек съезжает, — соглашается Лидия Ивановна.

— У нас есть сын. Меня не интересует деньги или имущество, — нервно постукиваю пальцами по подлокотнику пальцами, — но сын должен остаться со мной, если моему

мужу взбредет шальная мысль его у меня отобрать.

— Знаете, я... мягко скажем, обескуражена, — Лидия Ивановна медленно моргает. — Вы хотите обвинить супруга в насилии?..

Если честно, у меня нет конкретного плана действий. Первое: я хочу наказать мужа, второе: у него не должно быть возможности отнять у меня Дениску. Я пойду на что угодно, лишь бы мой сын остался со мной.

— Только в случае его упрямства. Подобные записи могут быть доказательством в суде его неадекватности и того, что его надо лишить родительских прав?

— Он пьет? Употребляет наркотические вещества?

— Нет, но...

— Притормозите, милочка, — охает Лидия Ивановна, взглядываясь в мои глаза. — Вы можете себя подвести под суд. Вы, что, готовы в суп мужу мешать наркотики?

— Я этого не говорила, — я не отвожу взгляд.

— Да по вашим глазам все видно, — поддается в мою сторону. — Лишить человека родительских прав тяжело. В первую очередь должна быть угроза для ребенка, но насилие к матери или члену семьи тоже могут быть основанием, однако одних только записей маловато. Вы понимаете?

— Что требуется еще?

— Свидетели, как минимум. А еще заявления в полицию, например. Вызовы при факте насилия, снятие побоев... Не вздумайте!

— Что? — я слабо улыбаюсь, а сама подумываю с лестницы упасть и приложится лицом о стену.

— Господи, — Лидия Ивановна встает, оправляет юбку и шагает к двери, которую запирает на ключ.

Затем он подходит к шкафу, роется в нем и достает бутылку из темного стекла и две стопки.

— Ну, с таким я первый раз сталкиваюсь, — возвращается за стол и разливает густую жидкость, которая напоминает жидкую смолу.

— Что это?

— Успокоительное, — придвигает стопку ко мне, — настойка на травках. С Алтая привезла. Пейте.

Поднимаюсь на ноги, уверенно плыву к столу и опрокидываю в себя мерзкую горькую жижу в себя. Передергиваю плечами и возвращаюсь в кресло.

— Ну, а теперь к сути, — говорит Лидия Ивановна, когда опустошает рюмку.

— Он мне изменил, — говорю я и неожиданно горько всхлипываю.

— Рядом с вами коробка салфеток, — Лидия Ивановна со вздохом кивает на низкий столик у кресла. — Не стесняйтесь.

Глава 10. Да, дорогой, я тебя слушаю

— Привет, мам, — шепчет Дениска.

Лежит у дивана, на котором задремал Саша, и что-то рисует цветными карандашами.

— Т-sss, — прикладывает пальчик к губам, — папа спит.

На цыпочках прокрадываюсь к сыну, перешагивая кирпичики лего сажусь рядом:

— Что рисуешь?

Наревелась я в кабинете юристки всласть. Ее якобы успокаивающая настойка сняла с меня зажим, и я выпустила из себя поток слез и отчаяния, на которое Лидия Ивановна молча вздыхала.

— Вот, — Денис садится и вручает мне рисунок. — Это мы. Вот папа, вот я, вот ты, а это ба и деда.

Очаровательный рисунок, яркий и теплый. Руки и ноги у нас, конечно, разной длины и толщины, но улыбки у всех до ушей. А еще у меня очень модная прическа, которая напоминает гнездо. По сердцу пробегает трещина печали.

— Красиво, — шепотом отвечаю я, приобняв Дениску, и целую его в спутанный висок. — Художником будешь.

— Я еще не дорисовал, — вытягивает рисунок и вновь ложится на живот, — мы тебе с папой ужин приготовили.

Мы уже покушали.

Вот те раз. Ужин? Оглядываюсь на Сашу, который сладенько посапывает, сложив одну руку на груди, а другую — на животе. Нарастает жгучее желание встать и кулаком в лицо, а после придушить подушкой.

— Папа устал, — едва слышно отзывается Дениска, — мы много гуляли сегодня.

— Тебе понравилось? — поглаживаю сына по спине.

— Да, я хотел белку поймать, но не получилось, — откладывает желтый карандаш и берет коричневый, — но я ее все равно нарисую.

Сижу еще несколько минут, наблюдая, как Денис рисует огромную белку рядом с дедушкой и бесшумно поднимаюсь на ноги. Саша ворчит, елозит затылком по подушке и сонно вздыхает.

На кухне нахожу кастрюльку с пюре, сковороду с котлетками и тарелку с огурцами, нарезанными на тонкие брусочки. Неожиданно. И мне было бы приятно, например, пару дней назад, но сейчас мне тошно. Забота Саши — лживая, но я все равно голодная, поэтому накладываю пюре и пару котлет.

— Привет, моя бизнес-леди.

Замираю. Саша обнимает меня со спины и нежно целует в шею. От прикосновения его теплых губ по позвоночнику бежит искра.

— Я все ждал, что ты меня расколдуешь поцелуем от веч-

ного сна, — хрипло шепчет на ухо и поддевает мочку губой.

Разворачиваюсь к Саше и вручаю ему лопаточку:

— Держи.

Саша недоуменно моргает, стискивая лопаточку, а я сажусь за стол:

— Сумасшедший день, — разламываю сочную котлетку вилкой и поднимаю взгляд на Сашу, который так и стоит с лопаточкой в руке, — у Машки...

— Опять Машка? — Саша хмурится.

— Да, — с улыбкой киваю и округляю глаза, — там такие страсти, Саша! Ну прямо сериал снимай.

— Ева...

— Она сегодня на обеде при мне, — поддаюсь к Саше с шепотом, — в каком-то приложении выбрала случайного мужика и побежала на свиданку. Представляешь? Буквально на час. Даже не опоздала на работу.

— Что? — стискивает лопаточку, и его глаза вспыхивает ревностью.

— Вот так, — отправляю котлету в рот и жую. Запиваю чаем и со смехом продолжаю, — говорит, раз муж мой бежит налево, то и я право имею. Всегда, говорит, хотела попробовать горячего восточного самца.

Лицо Саши бледнеет, верхняя губа дергается, и мне кажется, что он сейчас лопаточкой разнесет весь дом.

— Ева, — глухо порывивает и ноздри раздувает.

— Да, дорогой, — облизываю вилку от разводов пюре,

глядя в его глаза, — я тебя слушаю.

Глава 11. Какая я неловкая...

— Ева, — шипит Саша, — не общайся ты с этой потаскухой. Что она творит?

— Если проигнорировать моральную сторону вопроса, — пожимаю плечами, — то она поступила по справедливости. Муж-то ее первый нарушил договоренность о взаимной верности в браке. Нет? Ты так не думаешь?

Конечно, Саша так не думает. Он решил, что ему можно гулять налево, но его жене подобная роскошь не позволена, потому что она женщина. Какое лицемерие.

— Но так вопросы не решаются...

— А как решаются? — вздыхаю. — Разводом? Я ей предложила. Я согласна с тобой, милый, что им лучше разбежаться, однако муж Машке знатно потреплет нервы при разводе.

Саша загнан в ловушку и не знает, что мне ответить.

— И Машка так восхищалась нами, — мечтательно улыбаюсь, — тобой. Говорит, вот, Ева, как тебе повезло. Твой-то только на тебя смотрит. Мне даже как-то неудобно стало.

— Я дорисовал, — на кухню важно заходит Денис и протягивает мне лист бумаги.

Кроме белки на рисунке появились солнышко, кусты и травка.

— Повесим на холодильник? — обнимаю Дениса, который смущенно прижимается ко мне и кивает.

— Милый, — протягиваю молчаливому Саше рисунок.

Он минуту рассматривает его, слабо улыбается и прикрепляет лист к холодильнику желтым магнитиком. Еще минуту стоит, медленно выдыхает и кидает беглый взгляд на меня, а затем заявляет:

— Знаешь, я думал, ты умеешь выбирать подруг.

— Папуле не нравятся мамины подруги, — подхватываю Дениску за подмышки с побряхтыванием усаживаю его на колени. Тяжелый стал, а был совсем крошечкой. — А мамуле не нравятся их мужья.

— Почему? — Денис пальцами лезет в пюре. — Они плохие?

— Подруги? — Саша усаживается за стол.

— Нет, — Денис отправляет в рот палец и бубнит, — мужья. Я тоже буду мужем и хочу быть хорошим, как ты. Ты хороший и маме нравишься... значит, тот, кто маме не нравится, плохие.

В глазах Саши пробегает темная тень.

— Мам, — Денис поднимает взгляд, — папа же у нас хороший?

И тут хитрая мама делает небольшую паузу на несколько секунд. Детей считают глупыми и недалекими, однако это совсем не так. Они познают мир куда глубже и интуитивнее, чем взрослые. Да, Дениска осознанно не поймет маленькую паузу в ответе матери, но она оставит крошечную точку сомнения в его душе.

И это знает Саша, ведь в его зрачках замечаю панику. Нет скандала, нет оскорблений, нет истеричных визгов... Со стороны выглядит все мило и хорошо, однако я веду более тонкую и острую игру.

— А ты как думаешь? Папа у нас хороший? — я ласково улыбаюсь Дениске. — Ты же помнишь, что в таких вопросах важны только твои ощущения и мнение.

Я медленно затягиваю на шее удавку, Саша. Ласковыми руками и с милой улыбкой. Мне очень больно, и я отвечу тебе тем же. Слишком много чести, потребовать развод, хлопнуть дверью перед твоей лживой мордой и оставить тебя такого красивого и успешного твоей шлюхе. Ты знаешь, как отвечать на агрессию и как продавливать людей в сложных ситуациях, но теряешься перед улыбчивой женой и задумчивым сыном. Твое эго идет трещинами, роль хорошего отца и безоговорочная любовь Дениса под угрозой.

— Да, — Денис кивает, — папа хороший.

От моего внимания не ускользает, медленный выдох Саши.

— Так, кому-то пора купаться, — фыркаю в ухо Дениски, а он заливисто смеется, — и готовиться ко сну.

Убегает, стягивая футболочку, и я встаю. Саша тоже поднимается и улыбается:

— Я его уложу. Иди отдохни.

— Даже так? Ужин, иди отдохни?

— Я же хороший отец, — делает шаг и за запястья при-

влекает к себе, — и отличный муж. Твоя Машка в этом права.

С кокетливым смехом уворачиваюсь от настойчивых поцелуев Саши и он мажет губами то по щеке, то по шее, а я незаметно смахиваю со стола тарелку. Звон осколков, ойкаю, и на кухню заглядывает любопытный Дениска.

— Иди, — мягко отталкиваю Сашу, — я тут уберу. Какая я неловкая...

Глава 12. Ева, я хочу...

Проклятье, я затеяла игру, в которой слишком высоки ставки. Жизнь, как сказал, Дениска очень сложная штука. Одной записи криков Саши и моих всхлипов недостаточно, чтобы обезопасить себя. Да даже если у меня их было бы штук десять, то в суде их легко оспорить, потому что факт насилия не подтвердится другими доказательствами.

Меня ждет куда более изощренный и трудный путь, чем выбешивать неверного супруга на крики и скандалы. Компания Саши открыта до того, как мы вступили в брак. Я в его дело ничего не вкладывала: ни своих денег, которых у меня, кстати, не особо и было, ни сил, поэтому его бизнес, вероятно, останется у него. И да, у него отличные юристы, которые не раз вытаскивали его из задницы.

И дом куплен до заключения брака. Прямо тютелька в тютельку за день до того, как мы получили свидетельство о заключении брака. Пока наше заявление лежало в ЗАГСе месяц, Саша провернул сделку о покупке недвижимости. Тогда я не напряглась, потому что не покушалась на его деньги, но сейчас... Сейчас меня бесит моя наивность.

Подозреваю, что у него все схвачено до последнего рубля, а вот у меня — нет. При разводе, если Саша встанет в позу, мой магазин одежды можно разорвать на части. Короче, я останусь с огрызком бизнеса, который пока только растет и

не приносит серьезной прибыли, и без недвижимости. Я в жопе.

Будь я одна, то ушла бы и без трусов, но у меня сын. Если Саша пошел на измену, то от него можно ждать и другой подлости: он попытается отсудить у меня сына и у него будут все шансы. Я хочу верить, что Саша не такой, но однажды я ему поверила, а он меня предал.

Чтобы обеспечить хотя бы совместную опеку в будущем, мне надо подготовить сейчас подушку безопасности, которую не поделят при разводе.

И что делать? В первую очередь купить недвижимость, которая станет первым пунктом в моей благонадежности, как родителя. Покупать квартиру в браке бессмысленно, поэтому надо поступить хитро.

Мама откроет счет на свое имя, а я буду каждый месяц давать ей наличку, чтобы юристы Саши не отследили поток денег. За год я должна собрать сумму, которая позволит если не купить, то взять квартиру в ипотеку.

Доверяю ли я маме? Доверяю. Она боится нашего развода только по одной причине: Саша в силах лишить меня сына, отсюда все разговоры, что надо быть умной девочкой, а умная девочка не станет ублажать неверного мужа без корысти. Затем надо заняться переоформлением моего небольшого бизнеса на подставное лицо, например, на отца под соусом для Саши “дела идут очень плохо и я закрываюсь”. После развода я верну себе свое дело.

Долгий и муторный процесс, но надеяться на адекватность Саши я не могу. Очень велик шанс, что он будет шантажировать меня Денисом, ради которого я могла бы и стерпеть интрижки мужа, лишь бы не потерять сына. Если и терпеть, то по своим правилам. И какая же я молодец, что смогла продавить однажды Сашу на то, чтобы открыть свое маленькое дело, за которым я смогу скрыть будущие махинации.

— Заснул, — Саша заходит в спальню и садится на кровать, наблюдая за тем, как я мягкими круговыми движениями втираю крем в шею. — Ева...

— Да? — кошу на него взгляд.

— Мы так и не поговорили о вчерашнем.

— Я сорвалась, — похлопываю пальцами по щекам. — Поставка товара чуть не накрылась одним местом. Перенервничала.

— Возможно, нам стоит повторить ужин?

— У меня следующая неделя будет сложная, — пробегаю пальцами по нижним векам.

— Думаешь, вечер не выкроим для нас двоих?

— Вряд ли.

— Ты еще дуешься?

— Слушай, — я вздыхаю и разворачиваюсь к Саше лицом. — Да вчера ты меня обидел, но проблема не в этом.

— А в чем?

— Мне после разговора с Машкой... Не по себе, милый,

— я улыбаюсь лишь уголками губ, включая режим невероятно печальной и слабой женщины. — Я очень переживаю за нее.

Подхватываю со стола баночку с ночной маской для губ. Откручиваю крышку, глядя прямо в глаза Саши:

— Я совершенно не знаю, как ей помочь, — погружаю указательный палец в жирную субстанцию и смазываю губы.

— Ты Машку свою побольше слушай, — раздраженно фыркает Саша. — Ева, и она тебе явно что-то не договаривает. Не станет муж гулять налево без причины.

Трещина в сердце уходит еще глубже. Так у него была причина на измену? Интересно, какая? Скучный секс, бытовуха... Чем мужчины обычно оправдывают свои измены? И уж не стремление к экспериментам толкнуло Сашу в объятия “зайчика”? Вот так просто? Мама была права?

— Иди ко мне, Евушка. Не забивай голову чужими проблемами.

А не предаю ли я саму себя, продолжая играть в игру, от которой мне тошно? Не ошибаюсь ли, забивая в себе крики, слезы и истерику?

— Прости, — сажусь рядом и ласково заглядываю в его глаза, — я что-то совсем расклеилась.

Тянется, чтобы меня поцеловать, а отстраняюсь, указывая на свои губы:

— Масочка, милый. Должна впитаться, и она жирная.

— Есть множество мест, куда я могу тебя поцеловать, —

целует в шею, ныряет теплыми ладонями под тонкую шелковую маечку моей пижамы, а я мягко выворачиваюсь из его рук и встаю.

— Мне надо еще поработать и списаться с поставщиками...

Хватает за запястье, рывком валит на кровать и подминает под себя:

— Не пущу.

К моему стыду, тело откликается на его злой шепот и черный от возбуждения взгляд. Давно он так на меня не смотрел. С животным голодом, и истосковавшаяся женщина во мне желает ласки.

— Ева, — целует в ключицу и жарко выдыхает в губы. — Я хочу второго ребенка.

Глава 13. Большая и маленькая любовь

— Второго? — шепчу я и сглатываю.

Вот мерзавец. Я была готова ко второму ребенку уже после годика Дениски. Я, вообще, хотела погодок, а Саша все говорил, что не надо спешить. Шутил, что наследник уже есть и можно выдохнуть. И вопрос защиты взял на себя, как настоящий джентльмен. Отлично разбирается в латексной броне и берет всегда конкретную марку. Японскую. Ультратонкую, гипоаллергенную и которую совсем не ощущаешь даже под пальцами.

— Я бы хотел девочку...

И я тоже хотела девочку. Маленькую розовощекую кнопочку со сладкими щечками, но решила, что и она должна появиться на свет по обоюдному желанию. Больно, и эта боль сжигает душу черным огнем.

Саша решил, что мы готовы ко второму ребенку, чтобы опять меня связать по рукам и ногам. Неосознанно он чувствует мой бунт и желает его задавить. Беременная жена будет в еще большей зависимости от него.

— Девочку, — ласково шепчу я. — И я хочу девочку.

Он с улыбкой отстраняется, а я в этот момент играю восторг и ажиотаж. Я якобы хочу снять шелковую маечку, но из-

за волнения я жутко неуклюжая... В общем, я со всей дури бью Сашу локтем по скуле ближе к виску, будто случайно и в невероятной страсти.

Он крикает, и его ведет в сторону от моего удара. Валится на матрас, прижав ладонь к левой верхней части лица, и я с испуганным шепотом кидаюсь к нему:

— Прости! Прости! Прости! Я тебя сильно? Вот, черт!

Конечно, сильно. У меня все рука по обе стороны от локтя гудит болью.

— Нет... — сдавленно сипит Саша, а у самого по щеке слеза катится.

— Вот блин! — всхлипываю я и вскакиваю с кровати. — Я сейчас лед притащу! Лежи!

Выбегаю в коридор и приваливаюсь к стене, закусив губы. Я его убью. Разорву на части, выбью колени и повыдираю ногти, но и даже тогда он не познает ту черную дыру боли, что засасывает меня в воронку безумия.

— Мам, — ко мне ковыляет по коридору Дениска во флисовой пижамке с медвежатами. — Ма...

— Да, милый? — я слабо улыбаюсь.

— Ма, если я на Дашке женюсь, — взъерошивает волосы, — мы будем спать в одной кровати, как вы с папой?

— Да, — медленно киваю.

— А я не хочу, — отвечает, насупившись.

— Еще одна причина не женится, — мимо шагает Саша, прикрыв левую сторону лица. — Это серьезный шаг, сына,

и тебе стоит сто раз подумать прежде чем... Женись только по большой любви.

— А как понять, когда любовь большая, а когда маленькая?

Саша притормаживает, и тоже к стене спиной прислоняется по диагонали от нас с Дениской. Смотрит одним сердитым взглядом на меня:

— По большой любви в одной кровати хочется засыпать и просыпаться...

— А по маленькой? — Дениска не собирается так просто отстать от отца.

— А если любовь маленькая, то это не любовь вовсе, — Саша ощупывает опухшую скулу.

— Тогда любовь всегда большая? — не унимается Дениска, а я почти не дышу, потому что могу разрыдаться.

— Получается, что так, — Саша вздыхает.

— Нельзя кого-то любить чуть-чуть? — Дениска поднимает ко мне лицо.

— Нет, милый, — шепчу я в ответ и пропускаю сквозь пальцы его мягкие волосы. — Любишь всегда много и сильно.

— Тогда Дашку я не люблю, — хмурится, жует губы и вздыхает, — если чуть-чуть любить нельзя.

— Много и сильно может появиться из нравится, — поддеваю его прелестный носик пальцем.

— Тогда жду многи и сильно и потом уже женюсь, — Де-

ниска серьезно кивает, разворачивается и шагает прочь, сладенько потягиваясь. — Точно будет плакать.

— А ты все равно будь честным, — улыбаюсь вслед сонному Дениске. — Девочки очень не любят нечестных мальчиков, — перевожу взгляд на немного оплывшее лицо Саши и неловко улыбаюсь. — Лед все-таки стоит приложить.

Глава 14. С кем ты разговариваешь?

— Я его убью, — шепчу в трубку. — Зарежу или подушкой придушу...

— Тихо, — недовольно и сонно отзывается Лидия Ивановна. — Мы же с вами обсудили, что поспешные действия вам не помогут, а убийство мужа — дорога в тюрьму.

В кабинете темно, я спряталась за тяжелыми и плотными шторами и прерывисто дышу.

— Я не выдержу даже месяца, — кусаю ногти.

— Что я вам говорила?

— Засунуть гордость в одно место?

— Я не так грубо это сказала.

— Но смысл был такой.

— Ева, послушайте, нам кроме всего прочего нужны железобетонные доказательства измены вашего супруга. Это сыграет нам на руку в вопросе родительских прав и в результате бракоразводного процесса. Да сложно, но вы же сами хотите подстраховаться?

— С кем ты разговариваешь?

Я вздрагиваю от грозного голоса Саши.

— С подругой...

— Дай сюда, — отдергивает штору, выхватывает телефон,

но я успела сбросить звонок.

И спасибо Лидии Ивановне, которая потребовала записать ее номер не под Воронцова Лидия Ивановна Адвокат, а просто Лида.

— Лида? Еще одна замечательная подруга, да? — глаза Саши горят черной ревностью. — Я бы хотел с ней побеседовать.

— Зачем?

— Возможно, там не Лидия? — зло ухмыляется.

— А кто?

На скуле Саши расплылся синяк.

— Леша, например?

— Леша? — я вскидываю бровь. — Какой Леша?

— Твой любовник, — Саша касается экрана и в злобе смотрит на меня.

— Ты шутишь? Какой любовник?

Ставит звонок на громкую связь и буравит меня темным и острым взглядом. У меня аж мурашки бегут по коже от его необоснованной ревности. Гудки обрываются голосом Лидии:

— Связь шалит, что ли?

— Да это я случайно сбросила, — тихо и с замершим сердцем отвечаю.

— Ой, а на чем мы остановились? Ах да, разбил мне, сволочь, фару, окатил грязной водой и уехал, а я, растяпа, даже номер его не запомнила. Вот что за мужики пошли, а? зла

не хватает! Ой, блин, мне пора! Мой успокоительный отвар почти готов. Сладких снов, милая!

Гудки, и Саша возвращает мне телефон.

— Ты серьезно? — возмущенно охаю я.

— Ты себя странно ведешь в последние дни, — Саша прерывисто выдыхает. — Разговоры ведешь непонятные... Белье, например. Ты ведь такое никогда не носила. Это же даже не белье было, а...

— Я тебя хотела порадовать! — зло шепчу я, а Саша в ответ въедается в губы с глухим рыком проталкивая язык в рот.

И я его хочу уже укусить до крови, а, может, лишить даже кончика языка, как в его кармане вибрирует требовательно телефон. Ярость и напористость Саша на секунду слабеет, и я его отталкиваю:

— Тебе звонят.

— Да к черту! — урчит в ответ и хочет опять меня зажать в углу, но я отскакиваю в сторону.

— Вдруг что-то важное? — скалюсь в улыбке. — По работе?

Саша лезет в карман, и успеваю вырвать из его пальцев телефон до того, как он сбросит звонок.

— Ева! — рявкает он.

Незнакомый номер. Цифры расплываются перед глазами, а вибрация телефона уходит в руку и пронизывает кость. Я не могу... Я не выдерживаю этой игры. Я думала, что я силь-

ная, но на деле я не могу жить во лжи. Обмазываться ею с улыбками и кокетством. Я сойду с ума. Я даю незнакомому номеру несколько секунд, чтобы он передумал и замолчал, но нет... Вибрация будто нарастает и дробит суставы и фаланги.

— Вдруг что-то важное? — я повторяю с улыбкой глухо рыкнувшему Саши и касаюсь зеленой иконки. — Вряд ли будут звонить в такой поздний час по ерунде.

Глава 15. Я прыгну!

— Александр Максимович? — раздается мужской и низкий голос.

Саша выдыхает и приглаживает волосы. Пронесло, подлец.

— Да, — сглатывает и опять следует выдох с коротким смешком облегчения, — слушаю.

— А можно узнать, кто беспокоит моего мужа в столь поздний час? — удивленно воркую я.

— Так это... Начальник охраны... Прошин Юрий Владиславович... Я по делу...

— По какому делу? — Саша сердито хмурится.

— На крыше пьяная истеричка...

— Что? — охаю я.

— Так снимите ее оттуда, — рычит Саша.

— Она обещает прыгнуть...

Голос у Юрия Владиславовича какой-то неуверенный, будто чего-то недоговаривает, потому что я тут уши развесила.

— Пусть прыгает! — шипит Саша. — Вызывайте психушку, ментов, спасателей, а мне зачем звонить?! И, Юра, куда охрана смотрела?!

— Дамочка! — повышает голос Юра. — Да чтоб вас...

Звуки ветра, что доносят пьяные обрывки “люблю...”, “...

без тебя”, “не подходи, мать твою, точно прыгну!” и “дай телефон!”. Неужели зайчик не выдержал?

— Будьте, Юрий, добры передать телефон этой несчастной, — сажусь за стол и откидываюсь на спинку кресла.

— Ева, это не наша забота, — рычит Саша. — Мало ли чокнутых...

Какой у меня жестокий муж. Его любовница хочет шагнуть в пропасть, а ему все равно. Нет ни проблеска жалости к зайчику.

— Ей нужна помощь, Саша, — шепчу я. — Она же в отчаянии. Парень, наверное, бросил.

— Я прыгну! — визжит девичий голосок.

— Тише, милая, — вздыхаю я и закидываю ногу на ногу. — Думаешь, оно того стоит? И что случилось?

Напряженное молчание. Саша скрипит зубами передо мной, но все еще не думает раскрывать карты.

— Что случилось? — ласково воркую я.

Если не Саша сейчас признается, то должна это сделать Анечка при начальнике охраны, которого, возможно, будет использовать как свидетеля на суде. Хотя... Хотя мне уже начхать на суд, я хочу посмотреть, куда вывернет сегодняшний безумный вечер.

— А... а... вы кто? — лопочет на той стороне “зайчик”.

— Ева, — приглаживаю бровь. — Супруга того, кто владеет зданием, с которого ты решила спрыгнуть. Вы нас отвлекли, милая, от... — томно вздыхаю, провоцируя потас-

кушку на ревность, — неважно. Что случилось?

Выкладывай, мерзавка, что ты спишь с моим мужем и подставляешь ему пятую точку на эксперименты! Давай! Говори! Сейчас или никогда, потому что наши взгляды с Сашей, как лезвия сабель схлестнулись друг с другом.

— Ева... — выдыхает зайчик и всхлипывает. — Я... — захлебывается в рыданиях.

— Хочешь, я приеду? — обеспокоенно шепчу я, не спуская глаз с побледневшего Саши, который не понимает, что предпринять и как быть. — Милая, ну что ты...

Будь я на месте Саши, то тоже бы знатно обалдела. Я свои же шаги на шахматной доске лжи и манипуляций не могу предсказать.

— Все, я еду, — решительно встаю. — Не прыгай! Слышишь меня? И, Юра! Ты тут?

— Да, — ошарашенно и глухо отвечает начальник охраны. — Не надо никого вызывать.

— Но...

— Мать твою, Ева... — рычит Саша, и сбрасываю звонок.

— Бедная девочка! — торопливо бегу мимо мужа.

— Ты никуда не поедешь!

— У тебя на крыше девочка в отчаянии! — в лживом возмущении разворачиваюсь к нему. — Ты о репутации своей фирмы подумал, если она действительно прыгнет? И сердце у тебя есть? И да, Саша, я еду, потому что я сама была юной девочкой, которая могла натворить больших глупостей! Вот

такая я! Не могу остаться в стороне.

Выбегаю из кабинета, и на цыпочках бегу в спальню. Я должна встретиться с зайчиком с глазу на глаз. И если Саша — котик, то я — ласка. Милый, маленький и пушистый зверек, который безжалостно убивает и зайцев.

Глава 16. Супер-мама

— Мам, а куда ты? — на лестницу стоит сонный Дениска.

— Одной девочке нужна помощь мамы, — накидываю на плечи легкий и тонкий кардиган. — Она в беде.

— Супер-мама, — Дениска зевает, — идет на помощь?

— Да, — смеюсь я.

— Ева, — шипит в шаг от меня Саша.

— Что?

— Па, если кто-то в беде, то надо помочь, — Дениска спускается на несколько ступеней. — Особенно если это девочка...

— Идите спать, — небрежно чмокаю Сашу в щеку, — если что я буду на связи.

— Ева, это я должен поехать. Это же мое здание...

— Сейчас ей поможет только женская солидарность, и она ждет меня, — обхватываю лицо Саши ладонями.

Он, конечно, может запретить мне ехать, закатить скандал и испугать Дениску криками, которые так и рвутся из него, и я приму и такой вариант развития, потому что это отличная причина для обиды, скажем, на неделю. Я буду иметь право игнорировать его, избегать близости и держать на расстоянии.

А ведь может просто взять и признаться, что это его шлюха на крыше сидит, но он все лелеет надежду выйти из во-

ды сухим. Очень уж ему не хочется быть изменщиком. Это слишком тривиально для его раздутого эго. Ему нравится роль приличного и серьезного мужика, который с жены пылинки сдувает, ведь все мне завидуют, и плюс важно сохранить репутацию.

Это забавно. Вероятно, многие мужики, которые вертятся в серьезном бизнесе, изменяют женам, но очень агрессивно осуждают разводы и теряют доверие к тем, кто довел семейную жизнь до краха. Я не улавливаю логику, но у кобелей какие-то свои игры, которые нам, тупым курицам-наседкам, не понять. В общем, семейный мужчина с женой и ребенком имеет больший авторитет, чем разведенный.

— Люблю, — на автомате говорю я и чмокаю его в оплывшую скулу.

Саша с шипением отстраняется.

— Прости, — неловко улыбаюсь и выпархиваю на крыльцо.

Коварство мое не знает границ. И я иду на подлости ради удовлетворения своего уязвленного эго. Я делаю две остановки по пути к зайчику.

Мне не стоит заявляться с пустыми руками к девице, которая хочет спрыгнуть с крыши. Я заезжаю в торговый центр, уговариваю охранника впустить меня, потому что я забыла в бутике очень важные документы. Он бурчит, внимательно изучает все бумажки с информацией, что именно я владелец магазина и именно я арендую помещение.

— Что же там за документы такие?

— Очень важные.

В подсобной комнатке моего бутика стоит небольшой холодильник, а в нем бутылка белого Антинори. Элитная марка и точно порадует Анечку.

— Я вам очень благодарна. Простите, что потревожила, — воркую сонному и недовольному охраннику и выбегаю в ночь.

Затем я заезжаю в круглосуточную аптеку. Мило здороваюсь с крупной и сердитой теткой, которая окидывает меня подозрительным взглядом.

— Мне нужно сильное слабительное. Без вкуса и запаха, — вежливо и невозмутимо улыбаюсь я.

— Простите? — вскидывает густую бровь.

— Еду на встречу с любовницей мужа.

Молчание. Синхронно и медленно моргаем, а далее следует едкий вопрос:

— У нее проблемы со стулом?

— Очень серьезные.

— Секунду, — хмыкает и скрывается за белой дверью, что спрятана за стеллажами. Через пару минут выходит и пробирует небольшую коробочку с зелеными полосами.

— Сколько потребуется на бутылку белого?

— Чтобы схватило через глотков пять-шесть, три саше, — придвигает коробочку и поднимает взгляд. — На моем муже сработало на пять с плюсом. День просидел в туалете.

Глава 17. Хочу какао

— Только попробуй ей сказать хоть слово обо мне, — це-
жу в трубку. — Я тебя по миру пущу, Анюта.

— Котик, но мне так плохо...

Аня еле языком ворочает, а у меня от ярости волосы на загривке шевелятся. Ни над женой, ни над любовницей я не имею власти. Они будто сговорились и решили меня довести до белого каления. Каждое слово отзывается болью на левой стороне лица. Ева хорошо мне так вдарила. Чуть в нокаут не отправила. Я на секунду, кажется, даже потерял связь с реальностью.

— Проваливай с крыши, Аня, — рычу я в трубку. — Не смей встречаться с моей женой!

— Я давно хотела на нее посмотреть, — Аня капризно и пьяно смеется. — Чтобы поднять самооценку, — срывается на визг. — Не подходи! Прыгну!

Сбрасывает звонок. Сжимаю телефон и хочу швырнуть его в стену, но меня останавливает сонный голос Дениса:

— Па.

Хоть Юре звони и требуй, чтобы он ее с крыши скинул. Почему я позволил Еве уехать? Может, моя любимая женушка наградила меня сотрясением, которое отключило некоторые участки мозга. Голова раскалывается, и от ярости комната немного плывет перед глазами.

— Почему ты не в кровати? — разворачиваюсь к нему и прячу телефон в карман. Приглаживаю волосы и медленно выдыхаю. — Уже поздно.

— Я пить хочу, — приваливается к косяку и улыбается, пряча руки за спину. — Какао хочу.

— Почти двенадцать ночи, Денис...

Мне надо взять себя в руки, а то велико желание сорваться на сыне, а он ни в чем не виноват.

— Пошли, — киваю я. — Я тоже не откажусь от какао.

— И маме не будем говорить?

— А маму лучше не обманывать, сына, — выхожу из спальни.

— А я пошутил. Мы и маме какаву сделаем.

— Какава к ее возвращению остынет.

— А ты подогреешь.

Спускаемся на первый этаж. Оглядываюсь на Дениса, который шлепает босыми ногами, а затем перепрыгивает несколько ступеней. Ловлю его и перекидываю под хохот через плечо.

Я не позволю какой-то грудастой дряни разрушить мою семью. Если Аня вякнет Еве, что... Она не посмеет. Да, Еву взбаламутила какая-то Машка на подозрения, но если подозрения вылупятся в доказательства, то... А я не дам развода. Я не позволю Еве лишить меня сына, уйти и разрушить семью. Нет. И только пусть посмеет на другого мужика посмотреть, я ему хребет переломаю, голову оторву и выпущу

кишки.

— Жди, — усаживаю Дениса за стол и шагаю к холодильнику. — Сейчас устроим настоящее колдунство.

А верните мне блеклую картинку моей жизни. Жаловался я на апатию, но у меня в груди клокочет гнев, ревность и страх. У меня родители в разводе. И я поддерживаю связь с отцом, и жил я на две семьи с тринадцати лет, но не желаю подобного сценария для Дениса.

— Так, молоко, — выхватываю из нутра холодильника пакет молока.

— Хочу быть взрослым, — Денис зевает. — Можно ночью не спать.

— Слушай, — лезу в верхний ящик справа от раковины, — а ты хотел бы братика или сестричку?

Ева очень активная и энергичная женщина. Денис подросток, первые трудности в небольшом бизнесе преодолены, и ее начинает клинить. Стоило согласиться на погодок, когда она завела разговор о втором ребенке. А почему я был против?

Встряховаю банку с растворимым какао. Она отказалась от няни, а Денис был очень громким и требовательным малышом. И он до годика спал с нами в кровати, а с года до двух в своей кроватке, но в нашей спальне. Крики, плач, памперсы... И Ева заставляла меня участвовать в этом безумном аттракционе “покормить-укачать-помыть попу-утереть сопли”, потому что важно было укрепить связь между папой и сыном с раннего детства. И да, она права, но как же меня

выматывали эти ночи...

— Хочу...

— Что?

— Хочу братика или сестричку, — Денис оглядывается.

— Лучше братика, но и сестричку буду любить. Она будет на маму похожа.

Глава 18. Какое позорище!

Какое позорище. Распахивается тяжелая железная дверь и ко мне бежит жена Саши. В пижаме, домашних тапках, кардигане и с бутылкой в руках. Растрепанная, блеклая и невзрачная. Я, заплаканная и с потекшей тушью, выгляжу королевой, а она... У меня слов нет.

— Боже, милая, — кудачет наседкой и семенит ко мне, — я чуть... сердце вот-вот выпрыгнет.

Я сижу у высокого парапета крыши. И вот это чучело Саша боится потерять? Seriously?

— Дождалась меня, — садится рядом и вздыхает, прикладываясь к горлышку бутылки. — Я так боялась, что ты натворишь глупостей, — улыбается и протягивает бутылку, — Антинори. Лучшее средство от печали.

Молча выхватываю бутылку. Антинори. Дрянь. Повезло в свое время за мужика перспективного выскочить, и теперь думает, что никто ее не подвинет. Делаю несколько жадных и крупных глотков. Вытираю губы.

— Как тебя сюда занесло? — участливо вглядывается в лицо.

Еще и тупая. Если я сейчас выдам Сашу с потрохами, то он сдержит слово и устроит мне сладкую жизнь.

— Я... мимо шла, — пожимаю плечами. — Смотрю, подсветка симпатичная, и думаю, а было бы неплохо с крыши

этого здания сигануть.

— Держи, — выуживает из сумки пачку детски влажных салфеток. — И зачем тебе прыгать... Как тебя зовут?

— Аня, — делаю новый злой глоток.

— Аня, — поглаживает по плечу, — кто тебя обидел?

Смотрю в ее серые обеспокоенные глаза. Ну, овца овцой. Я думала, что у Саши жена маньячка после утреннего разговора, но я не вижу в этой бледной женщине серьезную соперницу.

— Не хочешь говорить? — вытаскивает салфетку из пачки и касается ею моей щеки, — понимаю. Можно и просто помолчать. Да?

— Ваш муж, — я слабо улыбаюсь, — наверное, очень зол, что я на его крышу...

— Мой муж сам хотел приехать, — ласково улыбается, — но я его убедила, что тебе сейчас важна женская солидарность...

Я едва сдерживаюсь, чтобы не разбить бутылку о голову этой квочки. Саша хотел приехать! Хотел!

— Не плачь, моя хорошая, — складывает брови домиком. — Да никто на тебя не злится, что ты прокралась на крышу. Главное, что ты приняла решение жить.

Зло пью из бутылки полусухой нектар с нотками белой груши и терпким послевкусием рябины.

— Поделись, — смеется и отбирает бутылку. — У меня тоже тяжелый день был.

— По тебе видно, — глухо и слабо огрызаюсь я.

Смеется, пригубив элитного пойла, и вытягивает ноги:

— Все будет хорошо.

Будет. Я найду подход к Саше. Он сложный мужик, упрямый, но ты ему опять наскучишь. Видимо, у него проклюнулось чувство вины, поэтому решил притормозить, однако их все равно потом тянет на легких и красивых девочек для отдыха. Да, я такая. И не вижу проблемы в том, чтобы мужчине было со мной хорошо.

В животе бурлит. Замираю. Сглатываю. Урчание нарастает, меня распирает резкой болью, что подступает к краю.

— Что случилось? — Ева прикладывается к бутылке и хмурится. — Аня... Что ты так побледнела?

— Я...

Меня сейчас прорвет и фонтаном хлынет с двух сторон. Торопливо встаю. Живот режет, и в кишках будто анаконда ворочается. Я не сдержу себе этот бурлящий поток. Кидаюсь к двери.

— Анечка! — истерично и громко взвизгивает Ева. — Аня!

Глава 19. У девочки стресс!

Анечка не добегают до двери. На полпути она вскрикивает, падает на колени, и на крышу вываливаются охранники во главе с Юрой. Я их попросила ждать за дверью на случай внезапной истерики “бедной и испуганной девочки”. Отвратительные звуки, жуткая вонь и жалобный с нотками облегчения стон, а после опять крик.

— Аня! — вскакиваю на ноги.

А я лишь смачивала губы и имитировала глотки.

— Вот черт... — охает один из охранников, прикрывает нос и рот ладонью и отворачивается.

Остальные в ужасе и шоке отступают от красавицы в коротеньком красном платье, которое не скрывает ее грязный и дурнопахнущий позор.

— Боже! — в лживом испуге и сочувствии шепчу я и повышаю голос. — Чего вы встали! Помогите ей!

— Ну, нет... — пятится другой охранник.

— Немедленно отведите ее в уборную, — шагаю к бледному усачу, вручаю ему салфетки.

— Нет... — Аня всхлипывает и пытается встать, но падает в новом приступе боли, что рвется из нее жуткими звуками.

— Вперед! — рывкаю я.

Юра, широкоплечий и высокий мужик, рычит:

— Премию выдам...

Двое самых храбрых и жадных подхватывают рыдающую Аню под руки и с ругательствами тащат прочь.

— Она же... — в отвращении отзывается третий охранник и содрогается в спазме подкатившей тошноты.

— Да будьте вы джентльменами! — цежу я сквозь зубы.
— У девочки стресс!

— У меня нет слов, — Юра медленно моргает.

— Всего этого могло не случиться, — окидываю его сердитым взглядом, — если бы вы исполняли свои обязанности. Ваши подчиненные, что, спали? Как они могли проморгать девчонку? Вы не заперли двери?

— Да мы на перекур вышли, — оправдывает охранник, а Юра раздраженно сплевывает под ноги.

— Вот как?! — охаю я.

— Да!

Вглядываюсь в ошарашенные глаза. Вроде, не врет, а вот Юра, мне кажется, что-то не договаривает.

— Слушайте, меня тоже подняли с кровати, — оправдывается он.

— Вы ее знаете? Может, она тут работает?

— Мы ее заметили только у лифта, когда вернулись... Не добежали, лифт закрылся, — оправдывается охранник. — И нет, вроде не работает. Мы ее тут не видели, но она такую чушь несла...

— Да пьяная она, как свинья, — перебивает его Юра.

Вероятно, Анечка тут вопила о великой любви к моему супругу, а Юра из-за мужской солидарности решил не тревожить нашу семейную идиллию.

— Почему дверь на крышу не заперта? — продолжаю я свой строгий допрос.

Охранник тупит глаза.

— Да, это хороший вопрос, — соглашается Юра. — Она должна быть заперта.

— Иван тут... — охранник кривится, — любит на перерывах поглазеть на звезды. Утром дверь запирает.

— Поглазеть на звезды? — недоуменно повторяю я. — Он у вас романтик, да? Невероятно...

Фыркаю и шагаю к двери. Спасибо безалаберным охранникам, что любят попортить себе легкие дымом и поглазеть на звезды за то, что мне удалась маленькая и некрасивая месть. Завтра поползут слухи о девке, которая на крыше не сдержала в себе содержимое ее утробы, ведь мужики те еще сплетники. Но мало того, ко всему этому грязному спектаклю добавятся тихие перешептывания, что это была любовница биг-босса.

У машины выливаю остатки на асфальт. Поднимаю лицо к звездам и хмыкаю. Ой, Саша, зачем? Хотя теперь это риторический вопрос, ответ на который не заботит.

Глава 20. Папа, я рядом

— Вы с мамой подрались, да? — Денис отставляет кружку и задумчиво разглядывает мое лицо.

— Она меня случайно...

— Мама, как и я, без дела не стала бы драться, — продолжает Денис и вытирает губы.

И тут я задаю тот вопрос, который обещал не задавать вслух:

— А кого ты любишь больше, маму или папу?

— Это плохой вопрос, — неожиданно сердито отвечает Денис.

— Почему?

— Я так чувствую.

Ева учит Дениса всегда прислушиваться к себе и если что-то не нравится об этом прямо говорить и не юлить. В детском саду не раз удивлялись, какой наш карапуз серьезный и открытый мальчик, который умеет выстраивать вокруг себя границы. И это заслуга моей жены, которая может потратить часы на разговоры с ребенком, как со взрослым. Она и у меня требует никогда не принижать волнения сына из-за его возраста.

Даже если он обидится на воробья, который улетит от него и не пожелает подружиться, то Ева не отмахнется от сына, а внимательно выслушает, почему птичка должна была остаться

ся и объяснить, почему она не осталась. И вот, сегодня я долго рассказывал Денису, почему мы не можем поймать дикую белочку и принести домой. К концу моей лекции у меня глаз дергался, а теща дико мной восхищалась.

— Согласен, вопрос и правда нехороший, — устало вздыхаю, — извини.

— Я спать, — соскакивает со стула, — а ты маму жди. И какао ей сделай.

Подходит, опять минуту рассматривает мое лицо и хмурится:

— Больно?

— Да.

— Если хочется поплакать, то можно поплакать. Всем можно плакать, даже тебе.

И обнимает. И с такой, знаете ли, мужской поддержкой похлопывает меня и говорит:

— Девочки иногда бывают вредными.

— Да, — глухо отвечаю я, и меня от макушки до пят пронзает раскаленное копьё вины перед сыном, женой.

На несколько долгих секунд я теряюсь, дыхание сбивается. И в голове вспыхивает вопрос “как я мог?!”.

— Хочешь поговорить? — Денис отстраняется.

Этот вопрос ему задает Ева, когда он грустит или злиться. Передо мной стоит маленький человек, который уловил во мне панику.

— Я рядом, — повторяет он слова Евы, а я лишь в ужасе

моргаю. — Па...

— Я провинился перед твоей мамой... — шепчу я. — Очень серьезно провинился.

Денис хмурится и взбирается на соседний стул:

— Что ты сделал?

— Вот твоя Даша поцеловала Егора, да? — я осторожно подбираю слова. — И, получается, поцеловал другую женщину... По-взрослому поцеловал.

Вот черт. Какой неудобный и сложный разговор, который касается очень непростой темы, которую надо подать правильно пятилетнему ребенку.

— И в одной кровати спали...

— Это плохо, — резюмирует Денис. — А мама знает?

— Я прятался от твоей мамы, — сцепляю ладони на столешнице в замок.

— Мама будет злиться, — шепчет Денис и добавляет, — и я тоже злюсь. Ты не любишь маму?

— Люблю, — закрываю глаза и подпираю лоб ладонями. — Господи...

— А другую? — голос у Дениса тихий и печальный.

— Нет.

— А зачем целовал?

Я молчу, потому что я не смогу объяснить Денису, что я идиот, который устал от быта, семьи и жизни, которой я теперь могу лишиться.

— Дашка сказала, что ей было интересно поцеловать Его-

ра. И мне все равно обидно, — Денис сводит брови вместе.
— И маме тоже будет обидно. Ты ей расскажешь?

— Я не знаю...

— Она любит честных мальчиков, как и другие девочки.

И меня волосы на руках поднимаются и шевелятся.

— Быть честным очень страшно, папа.

— Ты не понимаешь, сына... — едва слышно отвечаю я и выдыхаю. — Все куда сложнее, чем у Дашки с Егором.

— Ты сам должен об этом сказать маме, — Денис спрыгивает со стула. — И мама у нас хорошая. Самая лучшая мама. И да, я зол, обижен и говорить не хочу. Сейчас не хочу.

— Денис...

— Я буду думать, — разворачивается и громко топает прочь. — И думать тоже сложно, папа!

Глава 21. Только не это...

Выкидываю пустую бутылку в урну. Хорошая ночь. Ласковая, теплая и тихая. Отличная ночь, чтобы сейчас из ночных теней выпрыгнул маньяк и убил меня, потому что моя решительность играть в игры против мужа на исходе. И звезды такие яркие. Вот бы быть одной звездочкой.

На крыльцо бизнес-центра выскакивает Аня. Замечает меня и сжимает кулаки. Так. Кто-то тут на грани и, кажется, готов выплеснуть на меня свой праведный гнев. Я выуживаю из кармана телефон и прикидываюсь, что очень увлечена им, а на деле включаю камеру.

— Ева! — визжит Аня и спускается по ступеням, шатаясь из стороны в сторону.

— Ты в порядке?

Да вот ни черта она не в порядке. Отчаянная и опозоренная шлюха. Грязная потаскуха, которой я указала место. Ужасаюсь своей циничности и жестокости. Прет на меня пьяной и невменяемой телкой. Встряхивает спутанными волосами. Между нами шаг, и я улыбаюсь:

— Ты пришла в себя? — держу телефон так, чтобы было непонятно, что я снимаю.

— Я... — рычит и смотрит на меня исподлобья. — Я спала с твоим мужем, — взвизгивает, — ясно тебе, курица?

— Ты не в себе... — охаю я. — Он не мог... Нет... ты

просто хочешь обидеть меня.

— Я спала с ним! — рывкает и скалится. — У него родинка справа от его хозяйства. Прямо у основания, гадина. Симпатичная такая родинка... аккуратная...

— Я тебе не верю...

— А еще шрам под пупком от ожога... — шатается и едва стоит на ногах. — И сколько раз я его целовала...

— Нет, — я всхлипываю, а изнутри покрываюсь черной плесенью неприязни.

— Да, — усмехается и окидывает меня презрительным взглядом. — И ты... боже... какое же ты чмо, Ева... неудивительно, что у него на тебя не стоит...

Меня не трогают ее оскорбления, пусть я и поджимаю губы и будто едва сдерживаю слезы. Да и смысл обижаться на ту, которая на крыше не смогла сдержать физиологические позывы? И, кстати, от нее все еще дурно пахнет.

— Он с тобой только из-за сына... — стервозно смеется, прижимает живот к урчащему животу и сдавленно рычит, — ты для него всего лишь инкубатор, домработница, а я... А я для него женщина!

На крыльцо выходит Юра.

— И, кстати, — машет в сторону красной хищной и двухместной машины, что припаркована у фонаря криво и косо, — это его подарок.

Хороший подарок, бобра Саше в одно место. Я не понимаю, что чувствую в данный момент. Ревность переплелась

с ненавистью и жалостью к себе. Видимо, мой муж высоко оценивает эксперименты с “зайчиком”.

— И пошла ты, — цедит сквозь зубы. — Стерва.

“Плывет” к тачке. Несколько раз спотыкается, чуть не падает и шатается. И я снимаю ее королевскую походку. И особое внимание уделяю ее дорогому и люксовому авто.

— Тебе нельзя за руль, Аня, — ласково говорю ей вслед. — Это опасно.

Меня обкладывают трехэтажным матом, и оглядываюсь на Юру:

— Что ты стоишь?! Останови ее! Она же врежется куда-нибудь.

— Но... — вздыхает и спускается.

За ним выныривают его псы. Аня сопротивляется их рукам, орет, визжит и кидается оскорблениями.

— Заприте ее до утра где-нибудь. Она же в неадеквате, — прячу телефон в карман и шагаю к своей машине. Оборачиваюсь и шурю на Юру. — И не смей звонить моему мужу.

— Принято, Ева, — тихо отвечает он. — Я и не думал.

— Вот и не думай.

— Ненавижу тебя! Твое место у параша!

— Да кто бы говорил, — рычит один из охранников. — Ну и вонь! Я сейчас сблевану.

Уже в машине отправляю файл видео Лидии. Я чуток переборщила, потеряла выдержку, и мой витиеватый путь обратился в прямое шоссе, а впереди стена, в которую я сего-

дня въеду на полной скорости.

Лидия: “Ева, милая моя девочка, я приняла твердое решение бороться вместе с тобой. И какая же ты умница, что засняла эту прелестную машинку. Обнимаю.”

И меня накрывает. Я кричу и бью ладонями о руль, а затем, через минуту отчаянных криков, к горлу подступает ком тошноты. Я едва успеваю распахнуть дверцу. Меня выворачивает на асфальт, и накатывает знакомая слабость.

— Нет... — я жалобно всхлипываю, и с губ тянется вязкая капля слюны с желчью, — Умоляю... Только не сейчас... Только не это...

Глава 22. Ты не особенный, Саша

Саша ждет меня на кухне. С кружкой какао. Лицо бледное, мрачное и синяк его придает ему очень зловещий вид. Неужели Юра позвонил и сказал, что Анечка выдала его с потрохами? Но это уже неважно.

Сажусь, кладу телефон и разматываю наушники:

— Денис спит?

— Да, — глухо и хрипло отвечает Саша.

Втыкаю с тихим щелчком тонкий штекер в телефо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.